18+

Станислав Богданов
Серафим Богданов

Вторжение деструктов

Новое житие

Серафим Станиславович Богданов
Станислав Викторович Богданов

Вторжение деструктов. Новое житие

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40648770
ISBN 9785448593581

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Журналист Михаил Светлов испытывает кризис творчества. Его вдруг отказываются печатать в центральной газете, где ранее его публикации шли нарасхват. И вот удивительно – главный редактор, респектабельная дама, отправляет его в командировку в Москву. По прибытии выясняется, что за Мишей давно наблюдают, чтобы пригласить его на службу в одну засекреченную правительственную контору.И вот главный герой возвращается в свой город – там убивают полковника ФСБ…

Содержание

Первая часть 6
Предисловие 6
Глава первая. Кажущийся покой 37
Конец ознакомительного фрагмента. 169

Вторжение деструктов
Новое житие

Станислав Викторович Богданов
Серафим Станиславович Богданов

© Станислав Викторович Богданов, 2017
© Серафим Станиславович Богданов, 2017

ISBN 978-5-4485-9358-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

««««««««««««««««Необдуманно у нас ничего не делается», – сказал староста и, позабыв о больной ноге, сел и выпрямился. «Ничего? – сказал К. – А как же мой вызов?» «И ваш вызов был, наверное, обдуман, – сказал староста, – только всякие побочные обстоятельства запутали дело, я вам это докажу с документами в руках». «Да эти документы никогда не найдутся!» – сказал К. «как не найдутся? – крикнул староста. – Мицци, пожалуйста, ищи поскорей! Впрочем, я

могу рассказать вам всю историю без бумаг. На распоряжение, о котором я говорил, мы с благодарностью ответили, что никакой землемер нам не нужен. Но этот ответ, как видно, вернулся не в тот же отдел – назовём его отдел А, а по ошибке попал в отдел Б. Ответ А, значит, остался без ответа, да и отдел Б, к сожалению, получил не весь наш ответ целиком: то ли бумаги из пакета остались у нас, то ли потерялись по дороге – но во всяком случае не у них в отделе, за это я ручаюсь, – словом, в отдел Б попала только обложка. На ней было отмечено…»

Франц Кафка. Замок.

Первая часть

Предисловие

…Утром Мишу сорвал с постели звонок. Звонил, как и следовало ожидать, Александр Андреевич:

– Слушай, старик, – заявил он, – срочно пребывай на карантин.

– Что-то случилось?

– Так, самая малость. Наш клиент, это самое, чудит. Тебя видеть и слышать желает. Остальное – не по телефону.

– Понял. Скоро буду.

Скоренько позавтракав и совершив утреннюю молитву, Миша проделал половину пути на маршрутках, с пересадкой у малого Ривьерского моста, где с 9 часов утра как всегда наблюдалась пробка. Выстроившись в гигантскую змею, десятки авто, среди которых преобладали иномарки типа джипов «ланд-крузер» и легковушки вроде «опелей», сигналя и дымя, терпеливо подымались до Железнодорожного вокзала.

Особенным мучением это было для пассажиров и пассажирок автобусов и «пролёток», которые вечно куда-то опаздывали, в том числе, на работу. Многие из них, плюя на оплаченный проезд, в конце концов хлопали дверью и скоренько добирались до своих мест пешком. Одна неприятность – сегодня шёл небольшой дождь. Сотрудники центра с вечера создавали по возможности неплохую погоду, но это иногда не удавалось. Ночью, правда, шёл ливень, который к утру пришлось унять.

Прибывший на карантин Миша тут же воткнулся в мониторы, на которые шло изображение из соответствующей камеры. Поначалу он протёр глаза, так как

ничего не понял. В камере попросту никого не было. Цементные стены и цементный пол, привинченная болтами скудная мебель вроде стола, стула, пластиковый умывальник. «Чёрного», «наставника», Ральфа Вильдеберга и наконец Тумариона не наблюдалось совсем. Будто он растворился в воздухе или, говоря по-научному, вздумал телепортироваться.

– Шеф, он это: того? – Миша сделал движение по воздуху рукой, давая понять шефу, что знаком с этим явлением.

– Нет, посчитай выше, – хитро сощурился Александр Андреевич, – и посмотри повнимательней. Круговой, так ска-

зать, обзор…

Миша осторожно пожал плечами. Затем, ещё раз пощёлкав переключателем, перешёл на джойстик. Расположенная в плафоне лампочки камера, что была над косяком с внутренней стороны, стала вращаться по своей оси. Миша было вздрогнул, но тут же пришёл в себя. Хотя от увиденного любого из живущих могло привести в дрожь. «Чёрный» лежал: на потолке лицом стоика, со сложенными на груди руками. Лицо его тут же было собрано в гримасу, которая передала сложную гамму чувств от удивления, насмешки и облегчения. Так он реагировал на Мишино появление, которое узрел или учуял сквозь толщу бетона.

– С раннего утра – пояснил шеф, вставая с вращающегося стула. – Приклеился, понимаешь, как банный лист. Будто мы такого не видели…

– Дело в том, что они так самовыражаются, – заметил Павел Фёдорович, что присутствовал тут же, но был как всегда малозаметен.

Трам-тарарам я на такое самовыражение, вдруг подумалось Мише, и он с ужасом ощутил, что это «чёрный» снова заползает в его душу и пытается управлять мозгом.

– С тобой что-то сейчас происходит? Ну, быстрей говори?!? – обрушился на него спасительный громовой шепот шефа, что мигом очистил его от всякой нечисти.

Как оказалось, тот стоял над ним и держал руки над головой. Затем и вовсе положил их на Мишину шевелюру. Убирая, тем не менее, заметил: «Ох, и подстричься бы вам не мешало молодой человек. Ни одна невеста не вынесет…»

– Да, вы угадали. Он только что пытался внедриться и вызывать меня на свои мысли.

– Чудит, нечистый, а мы ему поверили. Послушали вас: – с лёгкой укоризной сказал шеф «собственников».

– Ша! – в шутку оборвал его Сан-Саныч или человек-Гора.

Уходя утром из дома, он не обнаружил старика Цвигуна у себя дома, он знал: тот в Сочи. Работает в автономном режиме. Докучать же расспросами в Центре не было принято.

– Вот что, я предлагаю пойти к нему, – заявил Миша после недолгих колебаний.

– Вы следите, а я пойду. Надо разобраться, что это за по-

за. Похоже на куколку, из которой должна появиться бабочка, – неожиданно подхватил он интересную мысль: – Представляете!?!

– Не торопите события, – нахмурился Сан-Саныч. – Вы и впрямь решили, что это куколка?

– Что же ещё? По-моему, он, таким образом, нам на это указал.

– Вы и впрямь решили, что вам лучше туда сунуться? Только вам?

– У него только со мной доверительный контакт. Во всяком случае, вас я подставлять не намерен.

– Но мы и не дадим себя никому подставить, – отшутился Павел Фёдорович.

С минуту они помолчали. «Чёрный» казалось, слышал разговор и незаметно улыбнулся у себя на потолке.

– Нет, прошу отпустить меня одного, – решительно мотнул головой Миша. – Вас я просто туда не пущу.

– Ну, как знаешь, – усмехнулся Александр Андреевич. –

В принципе, что это мы так встревожились? Ну, повис человек, тьфу, ты: у нас на потолке. С кем не бывает? В конце концов, это что-то вроде позы лотоса. Но раз чувствуешь, что должен, остановить и запретить не имею права. Поэтому, помолясь, да в путь-дорогу.

– С Христом, с Богом, – молвил, словно на прощание Павел Фёдорович, у которого на губах застыла улыбка, а глаза метали искры.

…Миша шагнул вовнутрь этого цементного склепа (таковым он показался ему в этот момент) как в иное измерение жизни. Вытянутая человеческая фигура в тёмно-бардовом свитере с затейливым белым узором, напоминающем бухарскую вязь, простиралась на потолке. Хотелось сравнить её с распятием, но что-то язык не поворачивался и ум не шевелился. Глаза Тумариона были закрыты, а на бледно-коричневых устах блуждала лёгкая усмешка.

Ну, урод, подумал Миша неожиданно, если и впрямь надумал играть со мной, то мало тебе не покажется. Я тя… Для верности он ещё раз совершил молитву Отче Наш и принялся крёстным знамением освещать стены.

– А вот этого не надо делать, – раздался тихий голос с потолка. – Не надо, говорю я вам, Тэолл. Вы слышите?

– Почему? – одними губами спросил Миша, замерев с поднятой в троеперстии рукой.

– Смотрите – увидите…

Вокруг возникло легкое колебание воздуха. Из стен возникли прозрачные горилоподобные силуэты с опущенными массивными руками, которые напоминали лапы. Низкие, словно утопленные в подушки ноги, которые хотелось назвать лапами, непропорционально вытянутые и широкие тела, обёрнутые капюшонами низко посаженные головы. Для вящего ужаса не хватало ещё, что б эти чёрные твари мгновенно материализовались и заполнили всё пространство камеры. Вышибли дверь и… Но Миша и тут не сплоховал. Он вызвал у себя в руках Огненный Меч, который тут же засветился переливчатым пламенем и стал приятно жечь ладони. В защитники себе он призвал Архангела (Архистратега) Небесного Воинства Михаила, которого, правда, не умел рассмотреть, но незримо ощутил его.

– О, да вы во всеоружии, – снова мрачно пошутил Тумарион. – Только опасаться нечего, смею вас заверить. Ваши шефы почему-то игнорируют общаться со мной также доверительно, как я с вами. Может, у них так не получается, может. Но вы их поучите, может, и получится.

– Одна из таких тварей: – начал было Миша, но Тумарион оборвал его.

– Одна из этих тварей атаковала вас прошлым вечером. А другая, та, что встретилась вам в Ростове далёкой зимней ночью… Догадываетесь, кто это?

– Да неужто вы?

– Конечно не я. Так выглядят наши помощники, которых мы оставили на полуживотном уровне развития, наделив, однако, крупицами Божественного и Человеческого. Это лучше, чем, если бы они стали людьми. Согласитесь, что задавая многочисленные вопросы, кто да откуда, да почему, они бы здорово осложнили нашу жизнь. Тогда как сейчас, пребывая в нынешнем состоянии, они не сведущи и просто счастливы. Им могут позавидовать те, кто в этом мире принимают наркотики и пьют запоем, чтобы уйти от тех или иных вопросов. Вы согласны, Тэолл?

– Не согласен, но: вы с самого начала решили играть с нами в эту коварную игру, так называемый Тумарион? Вам что, больше делать нечего?

Он явственно ощутил, как после этого вопроса ему

на мембраны ушей своим молчанием надавили Александр Андреевич с Павлом Фёдоровичем. А огромные полупрозрачные силуэты кругом, густо выступившие из стен едва заметно шевелились. Иногда в них что-то рябило и мигало, иногда, как будто от них отлетали чёрные пятна или точки. Но Михаил внушительно помахивал огненным мечом, пламень которого от этого увеличивался в размерах. Все шевеления вмиг успокаивались.

– Э, поосторожнее с оружием, мил человек, – сострил на этот раз Тумарион. – Обжечь же может. Зачем вам ссориться с моим войском?

– Знаете, вы мне это – не учите меня. Ни с кем я ссориться не желаю. Уберите их сейчас же и прекратите эту авантюру. Всё равно у вас ничего не выйдет.

– Кто его знаете. Может, и выйдет. Вот заполоню ваш мир из нашего этими существами: придётся вам уйти в подполье, как во время той войны.

– Ральф Вильсберг! – рявкнул Миша во всю глотку. – Слушать и исполнять: немедленно отзовите личный состав дивизии СС в тыл на переформировку. Как ты понял, гауптштурмфюрер? Исполнять!

Сам не зная почему, он принялся так воздействовать на ум Тумариона. Если у того вообще остался ум.

– Ты зря мною командуешь, русский! Я не исполняю твои приказы, – начал было Тумарион другим голосом, но тут же справился с собой: – Напрасно вы это делаете. На самом деле я не желаю зла ни вам, ни вашему миру. Просто эти существа получили сигнал, используя мой канал транспортировки и связи, прорваться через пространственно-временные коридоры в ваше измерение. Под словом «эти» я подразумевал ни своих, а других помощников. Как вы уже поняли, кроме меня есть немало падших ангелов, у которых есть свои легионы: не будем уточнять. Как, скажем, у Моура-Воронова, что существует сейчас в виде полуразумных сгустков материи и не в состоянии причинить сколь-нибудь вредоносное воздействие. Так вот, эти – мои, послушные мне существа. Они слушаются только меня. Они будут оборонять этот коридор до последнего. Так что не стоит их травмировать. Я бы не советовал.

Внутри у Миши словно бы оборвалась невидимая струна. Так, он хочет выглядеть нашим спасителем. Типун ему, конечно, но куда против этого попрёшь, если он прав? Сперва надобно разобраться, а затем принимать карательные меры, дабы не случился 37-й год. Кажется, правильно.

– Хорошо, принято, – для верности он опустил широкое лезвие полыхающего пламени, дав ему команду. – Я попытаюсь с ними дружить. Мир, дружба шоколадка! – для верности бросил он, вращая головой, во все стороны, отчего твари заметно оживились и пришли в нехорошее движение. – Если так всё на самом деле… Скажите, а почему?.. Впрочем, – заглушил он в себе дурацкий вопрос, – и так ясно. Вы же здесь на постоянной основе, а, во-вторых, взялись сотрудничать с нами. По сути, подарили нам ваш, как это вы его обозвали?.. какой-то там временной канал. Ого! Это получается, что мы можем туда, а они к нам сюда. Какой-то чартерный рейс получается.

– Да, теперь такая возможность открылась. Но не стоит так радоваться. Саму бездну я вам показал, а ключ от бездны ещё предстоит добыть. Я вам помогу это сделать. Но вы, пожалуйста, убедите своих шефов не гнушаться общения со мной.

– Приложу все усилия, – кивнул Миша.

Внезапно ему захотелось оказаться среди этих монстров, заполонивших полузримо пространство камеры. Затем шагнуть по коридору в неведомый мир, который и миром-то назвать можно с большой натяжкой. Но он разумно не стал этого делать. Успеется, но это не главное. Надо до конца рас-

кусить намерения Тумариона. Играется он нами или на самом деле затеял помогать? Ох, не хорошая это вибрация – сомнения…

Он плохо помнил, как добрался до операторской через ярко освещённый коридор, заполненный группой активного назначения отдела собственной безопасности: разной комплекции ребята, облачённые в глухие чёрные комбинезоны из новейших огнестойких материалов, вооружённых плазматическими ружьями «Смерч».

Их лица скрывали до глаз плотные шерстяные маски, но их глаза улыбались и поддерживали его. Может быть, так ему казалось, но в каждом из этих глаз он видел Бога. Будто Всевышний проявился во всех «актиназовцах», чтобы показать Мише, что бояться как всегда нечего и некого. Даже если многое говорит о том, что бояться всё же придётся.

Мишу как по команде отгородили на полпути серебристыми щитами-экранами, что носил на спине каждый боец. Мгновенно заключив его в круг, они провели парня в конец коридора. Затем согласовав что-то по рации с теми, кто дежурил за массивной герметической дверью, те другие открыли её. Мишу втолкнули в ярко освещённое пространство, со знакомыми надписями и иконами на цементных стенах, где вдоль периметра были расставлены всё те же актиназов-

цы. Начальство стояло тут же, не дожидаясь Мишу в операторской. Правда, в их числе теперь был командир ГАН с тем же плазматическим ружьём на перевязи через плечо, с переговорным устройством на другом плече и закреплённым на липучках фонариком.

– Ну что, Миша? – с надеждой проговорил Александр Андреевич, возлагая на парня руки. – Чем порадуешь? Кроме того, что…

– Ну, вы всё наверняка слышали и знаете. Я их видел. Их довольно много. Выступили из стен как по команде. Он наверняка принял положение окрест, чтобы таким образом образовать так называемый пространственный коридор. Хотя он говорил про вневременной наряду с этим, я бы всё ж… Скорее всего, он может это сделать – прокрутить нас по времени. Может, но наверняка не станет. Ибо это… Ну, во всяком случае, я так уверен: он не играет с нами, но пытается нам помочь. Другое дело, что в нём проявляются разные личины. Они стараются довлеть над ним. И извне на него наступают, думается, полчища других падших. Мы их по привычке зовём демонами, **диаволами** или бесами. А бес всё же более подходящее – **без**… То есть, существо без чего-то или без кого-то. Без Бога, без разума, без царя в голове. Вот, кажется, всё перебрал. Да ещё: плазменное оружие тут вряд ли надолго поможет, если они попрутся к нам. Навер-

няка придётся их пустить в наш мир и сражаться с ними уже в нём. Но это лишь мои предположения.

– Дай Бог, чтобы они ими и остались, – кивнул Павел Фёдорович, его голубые, в сеточке морщинок глаза облегчённо засветились.

– Мои орлы будут их сдерживать, если что, – с сухой готовностью доложил командир актиназовцев.

– Да, как в 41-м, – пробормотал Александр Андреевич.

Все взоры обратились на него. А он, сгорбив плечи и собрав складки на огромном лбу, внезапно посмотрел перед собой широко раскрытыми глазами. Вытянул неизвестно кому фигу, сложенную со знанием дела, и заявил: «Наше дело правое. Победа будет за нами. Бионегатив не пройдёт».

Раньше, чем заговорила рация на плече у командира ГАН, они стремглав бросились в операторскую. На экранах было видно, как «чёрный» слегка опустился вниз. Не меняя позы, он принялся медленно вращаться по оси. Из стен стали выступать полупрозрачными частыми конусами знакомые силуэты. Затем они перестали быть прозрачными и засверкали как чёрное стекло. Вскоре вдоль стен возник чёткий строй громадных, ростом в два с половиной метра существ. На ко-

ротких массивных лапах у них были блестящие чёрные чулки, а на длинных, свисающих почти до земли лапах – блестящие чёрные перчатки с налокотниками. Головы были забраны такими же капюшонами. Их тела покрывала не то чёрная чешуя, не то чёрная шерсть. Они стояли, чуть колыхаясь, словно от ветра.

Внезапно в мозг Миши ворвался словно тугой свист. Прозвучал знакомый голос: «Слушай меня внимательно, Тэолл, и запоминай. Это первый отряд моих воителей, прибывших в ваш мир. Они сдерживали натиск и не дали прорваться сюда ордам: как вы называете – носителей бионегатива. Кому-то из вас необходимо с ними встретиться. Если желаете, они могут провести вас к нам – вы воотчую убедитесь, что правда, а что ложь. Если вы, конечно, желаете в этом убедиться. Только так мы можем понимать друг друга. Ты меня понимаешь, Тэолл, Воин Света?»

«Понимать-то понимаю, Тумарион, но и ты меня пойми: как-то неожиданно всё это. Все эти таинственные превращения, – отвечал ему Миша одними губами; на него тут же воззрилось всё начальство: – Я готов войти и общаться с твоими нукерами. Извини, конечно, но так их хочется назвать. Если меня не отпустят, я буду настаивать. В конце-концов я пробьюсь. Я верю тебе, а ты мне, насколько я могу судить. Даже если все эти прошлые жизни и их связи – сплошная иллю-

зия, я продолжаю тебе верить. Ты слышишь: ты понимаешь меня, Тумарион?»

– Он, конечно, зовёт тебя к ним пообщаться, – сказал Александр Андреевич, когда Мишины глаза открылись и встретились с его взглядом: – Это нужно, это необходимо: они хотят взять тебя в заложники – ты это понимаешь, мальчик?

– Вы действительно намерены к ним туда?.. – подключился Павел Фёдорович. – На мой взгляд, разумнее их отслеживать вот так, как мы сейчас. Пусть их набьется до отказу. Затем мы запустим через вентилятор запах ладана или, наконец, усыпляющий газ. Долго они тянуть эту нелепую игру не в состоянии, Михаил Николаевич. Согласны? А потворство в таких случаях только на руку врагу.

– Я всё понял, но я: я должен туда идти, – Миша воззрился на них так, будто вознамерился прожечь их насквозь.

Оба отступили на шаг, но затем вновь приблизились.

– Не разумно это, не разумно, – покачал головой Сан-Саныч, но тут же повернул её на тридцать градусов.

Было от чего. Дверь операторской тут же распахнулась,

и в помещение вошёл Василий Иванович Цвигун. Одетый в ту же курточку с выступающим из неё свитером. Седые усы его топорщились и даже блестели, лицо разрумянилось, а глаза чёрные, как антрацит, сохраняли домашнее выражение уюта и спокойствия. Будто он сидел на Мишиной или, того пуще, своей кухне за чаем с блинами. В селектор внутренней связи тут же ворвался голос с КПП: «Тут к вам какой-то Цвигун по спецдопуску. Извините, не успел раньше доложить – как завороженный сижу…»

– Человек-гора, ты не прав, – рассмеялся он. – Ты зачем подстраиваешь парня под свою волну? Я с ним уже поработал, он всё воспринимает нормально. Просто отпусти его, и он пойдёт своим маршрутом. Как за клубочком по ниточке или за колобком. На что русские народные сказки – писали их неглупые люди.

Александр Андреевич первым заключил его в свои объятия.

– Хотите сказать, что разумный риск оправдывает себя? – заговорил он, натискавшись.

– Хочу сказать, что если человека ведёт Бог, то человеку надобно идти. Незачем его сдерживать. Хорошо?

– Хорошо-то хорошо. Но ситуация явно препоганненькая. Его явно хотят использовать, а потом, прикрывшись, сделать из него чехол. Или контейнер для перевозки. Это ещё хуже. Мы с местными не знаем, что делать, а тут: к тому же контейнер из нашего соратника, нашего сотрудника! Ты бы отдал меня на заклание? Я тебя нет – ни в жисть…

– Спрашиваешь? Но тогда, в Сталинграде, или чуть раньше, у тебя под Москвой, всё было ни так явно, как сейчас. Вернее, что бионегатив действовал, но у деструктов было множество личин. А сейчас к нам пожаловал сам Тумарион, их павший воитель. Прямая противоположность Архистратегу Михаилу. Мне не кажется, что: хм, гм… наш Михаил почувствует себя хреново, окажись он среди этой нечисти. Нечисти, которой необходимо помочь отмыть самоё себя.

– Даже если она, эта нечисть, этого как следует не хочет? – встрял Павел Фёдорович. – Простите, но я бы так уверенно повоздерживался…

– Я только что вернулся из города, – возразил ему Цвигун. – Изучал полевую структуру. Наблюдал кое-что. Эти чёрные существа себя скоро проявят по всем каналам, надо полагать. Через многих наших деструктов. Причём, даже если те не выдержат условий транспортировки и дадут дуба скоропостижно. Главное что деструкт – это прекрасный в их

понимании чехол или контейнер. Для большего он их, собственно, не интересует.

Миша было сорвался, чтобы наговорить ему кучу благодарностей и потрясти для этого одну или сразу обе руки. Но Сан-Саныч не дал ему этого сделать.

…Молниеносным отработанным движением он качнул ладонь сторону Мишиной груди, и парень остался стоять на месте, шевеля губами, как рыба.

– Не дам! – сказал он, молодецки выставляя грудь. – Это мой ценный кадр. Такими не разбрасываются. Он без году неделя в Центре и вот уже такого леща на удочке притянул. А ты хочешь, чтобы его прям так…

– Это мой будущий зять, между прочим, – съязвил Цвигун. – Моя девочка спит и молится на него. Думаешь, мне его не жаль? Думаешь, Центру в наше время не было жаль, когда гибли тысячи, чтобы выжили сотни? Потому что в другое время эти тысячи были бы поставлены в другие условия. У них появился бы шанс стать людьми. А эти сволочи обрезали эти условия и времена изменились. Отсюда слепое зверство в казалось бы цивилизованных французах, немцах, у наших русских ребят. Когда у кандидатов на звание Человек обрезают условия для обретения человека, их отрезают

от Бога в Человеке. Они скатываются тогда ниже зверей, ибо зверь убивает только по необходимости. А мы с тобой видели и знаем, как убивают из получеловеческого и полуживотного зверства. Истина, говорят, где-то посередине? Это верно. Но самое страшное, это когда ты замер на середине и тебя пытаются не пустить дальше. Это Сфинкс: человек-лев. Голова человека, но туловище и сердце… Возможны остаточные проявления. Недаром Наполеон приказал стрелять по этому лику ядрами. Что-то явно испугало его – его внутренняя середина…

– Но ты же видел этих монстров в действии, – не унимался Александр Андреевич. – Тебя это не смутило: там на площадке?..

– Во-первых, я видел всего одного из них. Во-вторых, это всё равно чужая, не подчинённая Тумариону тварь. Ну, а в третьих… Я верю этому Человеку, – Василий Иванович хлопнул Мишино плечо, отчего парень тут же пришёл в себя.

– А? Что?.. Я долго спал? – засуетился он.

– Да нет, самую малость, – подмигнул ему Цвигун. – Человек-гора тебя малость отключил. Что ж, иди куда собирался.

Миша окинул взглядом Александра Андреевича и Павла

Фёдоровича.

– Иди, конечно, – заулыбался шеф, скрывая свои чувства. – Я бы тоже пошёл. Не возражаешь, Миша?

Миша понимающе кивнул:

– Более чем! Мне было сказано буквально следующее: почему твои шефы не общаются со мной? Он сам приглашает нас к общению. Грех не использовать такую возможность.

– Он вас обоих в заложники возьмёт, – протестующее махнул руками Павел Фёдорович, делая неуловимые знаки начальнику ГАН. – Я категорически против! На основании параграфа 8 своего подразделения я вынужден сделать запрос в штаб-квартиру. Пока же имею полное право удержать вас от…

Из дверного проёма тут же выступило четверо бойцов с плазменными «Смерчами» наперевес. Их глаза под шерстяными масками излучали терпеливое спокойствие и напряжение. Очевидно, им отдан был приказ, который они не в силах были использовать, хотя старались это сделать изо всех сил.

– Что ж, тогда гарантом их безопасности выступлю я, –

неожиданно заявил Цвигун. – Как именно? Да пойду туда вместе с ними. Как-никак, я в прошлом по вражеским тылам хаживал, кое-какой опыт имеется. Ну и другой тоже, не сомневайтесь.

– Не сомневаюсь насчёт вражеских тылов. Я сомневаюсь, что вы кое-что не уяснили. А именно: там открылся канал в другое измерение. Первая группа монстров уже высадилась. Её не сдержало ничего: ни свинцовые перегородки, ни ладан, ни святая вода, ни замоленные иконы. Это кое-что значит! – взорвался наконец Павел Фёдорович. – Короче говоря, не пущу! Приказ ясен?

Парни одновременно со своим начальником коротко кивнули своими вязаными шапочками.

– Я на правах начальника представительства приказываю – немедленно пропустить, – возвысил голос Александр Андреевич. – Я…

– Ничего, я уговорю ребят, – заверил его полушепотом Цвигун.

Лёгкой танцующей походкой он приблизился к чёткому строю в чёрных комбинезонах. Распростёр руки и легонько надавил. Выражение лиц у ребят изменилось, сменив напря-

жение на удивление. Шеренга раздалась в обе стороны. Донёсся приглушённый голос Василия Ивановича: «Хлопцы, я всё понимаю, но мы там должны быть. Иначе никак нельзя. Пропустите…»

– У меня просто нет энергии, чтобы сопротивляться: – простонал Павел Фёдорович, закрыв лицо маленькими руками. – Я сам с себя голову сниму, если с вами что-нибудь приключится. Эх, вы…

Они трое проследовали через коридор, заполненный людьми в чёрной форме. Подошли к массивной двери и открыли её. Существа продолжали возвышаться по периметру. Мише показалось, что у них под капюшонами что-то переливается и мигает белёсыми огоньками. На фоне сплошной черноты это выглядело зловеще. Оказалось, что на массивных лапах у них было всего по три пальца под блестящими чёрными перчатками. Они ими шевелили стоя. Когда же Миша попытался первым вступить вовнутрь, существо стоявшее у стенки напротив медленно подняло перед собой лапу. В трёх пальцах был зажат прибор в виде дисплея, по чёрному полю которого бегали, точно роились, разноцветные точки. Миша тут же ощутил как в голове тут же образуются некие прорехи и начинается шум.

– Уберите это! Скажите своему помощнику или как вы его

называете, – повысил голос Александр Андреевич, он положил на Мишины плечи обе руки. – Вы слышите или нет?

Лапа существа опустилась, словно сама собой. А вращающийся у потолка Тумарион снова прилип к нему. Раскинув руки, он с улыбкой сказал:

– Очень хорошо, что вы пришли! Я ждал именно такого поворота событий.

***

Через полчаса Миша уже шёл в обратном направлении. Он был немного уставший, бледный, но выглядел в целом ободряюще. Шеф и Василий Иванович предпочли остаться там. Язык не поворачивался произнести: среди этих монстров. Вели себя эти чёрные существа по-прежнему спокойно, но Миша-то знал, на что они способны. Что ж, старикам видней. Ободряло ещё то, что за ним не спеша, уверенной походкой шёл Ральф Вильсберг. Тумарион ещё в камере сказал: «У моего носителя: хм, гм… контейнера есть душа, и я не истребил его. Я намеренно не сказал „её“, чтобы не проявился так называемый Матриархат Евы. Так вот, у Ральфа Вильсберга есть неоплатный долг в России. Собственно из-за него он здесь, не говоря уже о задании БМД. Приглашаю вас прокатиться до Москвы и чуточку дальше. Наде-

юсь, ваше начальство не против?» «Я как всегда нет, – ответил Цвигун, но показал ему кулак: – Если что, сам знаешь. Так что будь умницей, чтобы „если что“ как-нибудь ненароком не случилось. А не то мы по твоему коридору выберемся куда следует, и вдобавок ко всему так там расхерачим…» Александр Андреевич лишь многозначительно кивнул, после чего и самому тупому всё стало ясно.

– Так, у меня санкция шефа – выпустить нас обоих за пределы, – поднял Миша над головой ладонь, после чего поперхнувшийся Павел Фёдорович и его воинство заметно расступились. – Организуйте нам дорогу до Москвы и разумное сопровождение. Пожалуйста, поживее!

***

…Ну, и что мы здесь забыли? – потрясённый Александр Андреевич остановился посреди бескрайней пустыни. – На фига нас сюда принесло!

– Я сам будто знаю, – Цвигун отряхивал полы куртки, тоже оглядываясь. – Если бы знал, то сказал бы давно.

Они помнили, как вошли в камеру и оказались в центре периметра из чёрных существ. На потолке, точно приклеенный, висел так называемый наставник, он же Тумарион, и за-

гадочно улыбался. Всё это происходило как в дурном сне или хотелось назвать явью «нарочно не придумаешь». Затем пришли к согласию, что Тумарион вместе с Мишей выходят первые. После того как они вышли происходящее вспоминалось уже слабо. Сверху на них, медленно вращаясь, опустился сияющий кокон или конус. Мелькнула белая вспышка и – изображение пропало. Через н-ое количество времени снова появилось. Они обнаружили себя и друг-друга посреди этой Богом забытой пустыни, похожей на марсианский пейзаж. Желтовато- коричневые россыпи песков до горизонта перемежались с красноватыми камнями и скалами тёмно-вишнёвого цвета. Они были из камня, напоминающего ракушечник. Временами попадалась частая растительность, похожая издали на чёрные засохшие водоросли. Прямо перед ними в небе неопределённо-бурого цвета красовался размытый серебристый диск Луны, а на большом удалении – маленьким малиновым кружком светилось здешнее солнце.

– По идее должны быть сильные приливы, – взлохматил волосы вокруг лысины Александр Андреевич. – По идее: Но воды как будто не наблюдается. Как считаешь?

– Так и считаю. Более того, считаю, что надо как следует осмотреться и пока никуда отсюда не отходить. Блин, а где ж его армия, ась? Хвалился на нашем потолке про армию, и вот – на тебе! Разбежалась, поди?

– Смотри, не свисти. А то сщас припрётся вместе с Первой Конной. И дивизией СС «Адольф Гитлер». Устроит нам развлечения. Агась?

– Агась! Только про кота Васю чур не вспоминать…

Александр Андреевич вытянул руки по сторонам. Некоторое время постояв с закрытыми глазами и бормоча буддийские мантры, он совершал ими пассы, словно желая охватить необъятное. Затем открыл глаза. Вынул из кармана пиджака сотовый, желая убедиться, что он в зоне доступа и открылся новый роуминг. Но… Знакомого заборчика с левой стороны экрана не наблюдалось. Более того, через всю верхнюю его часть громоздилась крутая надпись: «Вне зоны сети». Хотелось материться.

– Ты серьёзно рассчитывал… – натурально удивился Цвигун.

– Ничего не стоит сбрасывать со счётов. Даже то, на чём стоим, – молвил Александр Андреевич и осторожно опустил глаза.

Они действительно стояли кое на чём. А именно: под их стопами простилался то ли плоский овальный камень, то ли

плита, похожая на чёрный мрамор. По её поверхности блуждали разноцветные переливы и точки. Причём время от времени эти образования собирались у ног. Была ли эта неизвестная досель форма разумной или полуразумной жизни, либо подобие робота-автомата, что отвечал на транспортировку, пока рано было думать.

– Так! Ну, хоть фотографии сделаю, – Александр Андреевич, открыв соответствующую услугу в телефоне, принялся делать снимки плиты-камня и окрестностей. – Для пущей ясности необходимо, чтобы на горизонте замаячил летающий объект. Верно?

– Я бы не привлекал пока никого сюда. Зачем нам посторонние? Завезут ещё… Терентьев, наверное, в курсе. Собирает сейчас гвардию и может скоро будет тут. Так что ждём.

– Я бы единственное – этих чёрных сюда бы пяток желал. Пообщаться с ними дюже хочется, – сделал несколько разминающихся движений руками Александр Андреевич. – Если они, конечно, кумекают, а не просто исполняют.

– Я бы тоже, честно говоря, – сознался Цвигун, скинув куртку и закатав рукава свитера. – Интересно, это у них такой вид транспорта? – он указал ногами на роящиеся точки и переливы, что тут же бросились в рассыпную от одного его

движения. – Я вас!..

– Слишком всё как-то… – начал было Александр Андреевич, но тут же остолбенел. На экране телефона чётко просматривалась услуга: «Вызов спецслужб, SOS!»

Ни слова ни говоря, он подкинул телефон в сторону Цвигуна. Той поймал его. Прочитав, невозмутимо пожал плечами. Набрал номер представительства в Сочи. Включил динамик. Женский очаровательный голос невозмутимо сказал: «Абонент отключен или вне зоны досягаемости. Позвоните позже». То же произошло с номерами дежурной части ФСБ и УВД.

– То есть, как я понял, надо ловить зону доступа, – хмыкнул Александр Андреевич. – А это значит выходить за магический круг, – он обвёл глазами плиту с пульсацией. – По-моему, эти живности на поверхности нас от этого предостерегают. И, скапливаясь у наших ног, нас защищают. А вот выйди мы… Может статься, что я гроша ломаного не дам тогда за нас. К чему такой неоправданный риск? Зыбучие пески, какие-нибудь песчаные вихри.

– То же верно. Пока будем тут стоять. Или лежать. Поверхность плиты чистая. Постелив одежду, можно даже соснуть часок-другой. Спать будем по очереди. Ага, товарищ

политрук?

– Ага, ага. Если приказ принял, то начнём с тебя. Медитируй себе на здоровье. Может, на какую родственную форму жизни и выйдешь. В конце-концов, есть же у них здесь подобие нашего Центра? Тьфу ты, я ж забыл! Конечно, нема. Но наши нелегалы – неужто и сюда просочились?

– Ну, нам такие тонкости пока неизвестны. Будем контактировать и вызывать контакт. Пока не вызовем. Я лично так и сделаю. И тебе того же желаю, Сан-Саныч. Всё, я в нирвану ушёл. До встречи…

Он сел, скрестив ноги. Сложил руки на коленях в меру обтёртых джинсов. Его глаза сами собой прикрылись и кожа, прорезанная морщинами, стала оливково-жёлтого цвета. Да, в таком состоянии его лучше не тревожить, мысленно согласился со своим другом и соратником, в прошлом – со своим подчинённым Александр Андреевич. Расстелив на поверхности пиджак, он довольно легко присел. Некоторое время, настроив камеру в телефоне, изучал песчаные и скалистые окрестности, то увеличивая, то уменьшая изображение.

– Так, погоду я поставил насколько это возможно, – вымолвил, наконец, Цвигун, лицо которого приняло снова обычный цвет. – Здесь все процессы идут – только через Ту-

мариона и отчасти нашего Мишаню. Они сейчас связаны, как единое целое. Единство, ум-г-х-х-х…

Внезапно он поймал в объектив камеры движение. На близлежащей холмистой гряде возникло лёгкое облачко пыли. Затем образовалась густая завеса, что приняла форму треугольного коричневато-серого облака. На гряде появился первый ряд знакомых чёрных существ, затем второй. Они шли вниз, как римские легионы. Казалось, был слышен их мерный топот и сопение сквозь чёрные блестящие капюшоны.

– Ого! Как немцы в 41-м, – присвистнул Александр Андреевич.

– Не-а, ещё похлеще, – по-житейски рассудил Цвигун. – Похоже пришла пора тряхнуть стариной. Ты не находишь, старик?

– Ага, юмор ситуации понял. Я вот беспокоюсь, как там молодые.

– Зря беспокоишься. На их век, как на наш – немало выпало…

Глава первая. Кажущийся покой

…Михаил Светлов рано утром зашёл в корпункт газеты «Великая Россия», что располагался в городе Сочи по улице Тоннельной. Руководитель коррсети Татьяна Андреевна сбросила ему намедни сообщение на сотовый: утром, к 7—00, прибыть для важного совещания.

Однако спешка это серьезно, весело думал Миша, преодолевая знакомые метражи. Мысль эта сработала в ту самую минуту, когда серебристая коробочка «Эриксона» в кожаном чехле на поясе пронзительно пискнула. На цветном дисплее с изображением цветущих подсолнухов показалось сообщение от начальства. Миша безо всякого вкуса допил баночку кваса. Сунул её в пластмассовую «мусорку» на плоской крыше Торговой галереи. Спустившись по изломанной бетонной лестнице к «поющим фонтанам», что были подсвечены огнями скрытых под водой фонарей, он дождался там Татьяну. Она работала в этом кафе официанткой. Таня вышла из шумного, уставленного цветочными рядами подземного перехода. Она несла в маленьких руках какие-то объёмистые свёртки. Её миленькое, пухленькое личико было непривычно красным. Глаза слегка припухли. Это не вызвало у Михаила особо приятных и приподнятых чувств. Глядя в эти голубые, осенённые венчиками золотистых ресниц

глазки с хитрецой как у лисички, с едва заметной лукавинкой, как у обидчивой и крохотной девочки, он в который раз поймал себя на ощущении, что не знает это миниатюрное, очаровательное создание. Так хорошо, как ему бы хотелось. Всё понятно: собственная душа потёмки. Тем более, если говорить о чужой, которая вообще невероятные сумерки. Всё же, однако, есть же всему предел? Нужно же знать живое существо настолько, насколько это нужно – для встречи, для устройства личной жизни. О, Боже мой, почти в отчаянии подумал Михаил. Он поймал себя на ощущении, что богохульствует, и весьма гордился этим. Ведь она совсем чужой мне человек. А я так привязан к ней, что жить без неё не могу. Ведь это опасно! Разве так можно, старина ты моя, старина? Или «мой»?.. Тьфу, чёрт, не всё ли равно? Впрочем, поминание нечистой силы он не одобрил.

– Привет, – сказал он безрадостно. Губы, как будто омертвевшие, нарочно скривились в каменной, дежурной улыбке. – Ну, как ты, моя зайка? Мы давно не виделись, солнышко. Ну, я поэтому…

– Ничего, я нормально, – отвечала скороговоркой девушка. Она смотрела ему прямо в глаза. Как показалось, с затаённым чувством долго вынашиваемого раздражения. – Вот, работаю, не покладая рук. И ног, впрочем, тоже. А как ты, Миша? Наверное, совсем замучился в поисках своих журна-

листских хлебов? Ведь так, солнце моё?

Последнее, как показалось ему, было сказано нарочито резко. Ну-ну, подумал он спокойно. Она явно хочет поссориться со мной. А мне надо быть просто мудрей и восприимчивей к тому положительному, что исходит от неё. Может быть, даже против её воли, зажатой в кулак некими таинственными обстоятельствами. Всё-таки интересно, где она пропадает ночами? Даже её сестра, если верить её словам, не знает, где она работает или не работает, а так – делает деньги…

– Таня, мне надо с тобой серьёзно поговорить, – выдохнул из себя Миша. – Это очень серьёзный разговор. Я бы попросил тебя… Словом, удели мне всего несколько минут.

– Прости, я очень тороплюсь, – она покраснела ещё больше. То ли от стыда, то ли от подступившего напряжения. Ещё плотнее прижала к своей полной груди объёмистые свёртки. – Ни к чему это всё, Миша. Ничего у нас с тобой не выйдет. Ладно?.. Ты ведь всё понял, Миша? – её глаза заметно увлажнились от слёз. – Пожалуйста, не ходи ко мне больше. Не преследуй меня. Уйди из моей жизни. Мы не подходим друг другу. Ты это понимаешь.

Она внезапно сорвалась с натоптанного её острыми чёр-

ными каблучками места. Придвинувшись к нему, сделала неловкое, быстрое движение: привстав на носки, коснулась его колючей, небритой по моде щеки своими пухлыми, коралловыми губками. Тут же стремительно исчезла из поля зрения. Взбежала на своих острых, точно подкованных, гремучих каблучках по извилистой лестнице. И была такова. Растворилась как тень в неясном, розовато-жёлтом или синем мареве неоновых мигалок, которые представляли собой те или иные увеселительные заведения. За вполне и не очень умеренную плату в них можно было славно «оттянуться», то бишь приятно провести время. При желании – без нежелательных последствий.

– Что, не везёт, друг? – подмигнул ему высокий усатый милиционер в синем, надвинутом на глаза кепи и новом «шелковистом» бушлате, что вспыхивал в свете ликующего неона новым ворсом и хромом заклёпок-пуговиц. – Девчонка, небось, занятая попалась? Или отворот-поворот дала?

– Да, отворот-поворот, вы правы, – рассеянно ответил парень. Он ощутил обволакивающую пустоту под ногами и в голове. – Ладно, всякое бывает. Спасибо, конечно, но… Просьба будет, товарищ сержант. Вы ведь в «Розовом Какаду» сегодня дежурите, не так ли?

– Да, в этом, в розовом я сегодня… – оторопел сер-

жант, задержавшись над отмеченной своим «берцем» ступенькой. – В чём дело, брат?

– Да вот в чём, товарищ сержант, – попытался размягчить обстановку Миша. Он добродушно улыбнулся. – Присмотрите за ней, я вас очень прошу. Глупая она, взбаламошная. Как бы в беду не попала. Когда в «Капитане Бладе» официанткой работала, там трое парней её кинули. Представляете? Заказали себе ужин на 12 тысяч. А потом, сволочи, локтём девчонку отпихнули и к выходу. Охранник там, спрашивается, для чего? Так, в дверях фигурой своей маячить? Вот поэтому я и прошу вас присмотреть.

– Ла-а-адно уж, братан, – прогудел тот добродушно-смешливо сквозь пышные усы. – Присмотрим. Только у нас всё тихо. Чинно и бла-ародно, как в самых лучших домах Филадельфии. Я на входе всю ночь стою. И управление в двух шагах. Не боись, никто не посмеет обидеть твою девушку.

…Так что никто не посмеет обидеть твою девушку, отчётливо пронеслось в Мишиных ушах. Он поднял «молнию» утеплённой кожанки и шёл к остановке. Вот именно: твою девушку. Только какая она моя? Давно уже одолевают мысли: не работает ли она «по вызову»? Да нет, не может быть. Глаза её – как озёра. В них вся Вселенная сокрыта. Со всеми ЕЁ видимыми мирами и не видимыми. (Иногда в мыслях за-

носит совсем уж – так ли это важно? Ведь я же её люблю. Как мне кажется…) Как говорится, и мама будет не в восторге, и папа не обрадуется. Им, пожалуй, не объяснишь да и объяснять не надо, что человек живёт ни одни раз. Всякая новая жизнь даётся ему для того, чтобы переосмыслить и перестроить все безрадостные «успехи» старой, где он в силу заложенной в него кармической программы не вполне осознал, в чём главная ценность жизни и истинная цель возникновения на бескрайних космических просторах этого уникального, многогранного по своему существу, такого прекрасного мира. Да уж, мира, в котором пока нет самого мира: такого состояния целостного равновесия, когда кармические волки сыты, а кармические же овцы целы. И, что самое главное, и те, и другие могут постоять за себя. Нет, что я такое несу! Я же всегда был и буду противником сосуществования добра и зла под одной небесной твердью! Впрочем, тьфу на меня. Прости, Господи, оно мне надо? Опять голову заморочили, черти проклятые.

В который раз он поймал себя на мысли, что снова богохульствует. Некая тёмная сила, что обитала у него внутри, вышла из-под его вездесущего контроля. Попыталась овладеть его разумом и восприятием. Это было странным и настораживающим для него. Тем более, он продолжал работать над собой. Постоянно медитировал и молился на очищение, делал специальную духовную гимнастику с заимство-

ванием из йоги, усиленно занимался спортом. Недавно записался на бокс. Значит, не пришло ещё время выстирать на моей белоснежной рубашке последние тёмные пятнышки. Так подумал он и заметно ускорил свой шаг, который вскоре превратился в твёрдую, уступчатую походку. Это позволяло, не отвлекаясь ни на какие пустые мелочи снаружи, прислушиваться ко всему происходящему внутри.

Утром следующего дня ровно к семи ноль-ноль, как и было указано в сообщении, он стоял как штык в просторном помещении корпункта, что было отделано по последней моде белыми пластиковыми панелями. На столах безудержно пела и мигала оргтехника, что соседствовала с кипами файловых и обычных папок, коми место было на шкафах из «металлики», а также листами исписанной и чистой бумаги. Платон Ильич, «ответсекретарь» (что на нормальном, человеческом языке означало ответственный за выпуск или «выпускающий редактор») был уже здесь ни свет, ни заря. Сиял в белизну панелей своей ярко-шафранной лысиной и блистал острыми, злыми глазками из-под стёкол золотых очков. Возбужденно потирая руки, он смотрел в наушниках телевизор, где передавали «Евроньюс». Гидромецентр от лица длинноногой блондинки как всегда вещал туманно, предлагая на выбор: умеренную облачность и местами мелкий дождь в тёмное время суток. Днём, впрочем, обещалось некоторое просветление, что тоже радовало. (Когда блондинка, грациозно

махнув рукой, перешла к теме рекламы недвижимости в подмосковье и новых видов «нестареющей» косметики, Платон Ильич тут же стал блуждать по каналам, не попадая пальцем на нужные кнопки пульта.) Никого, кроме трёх, аккредитованных по Сочи сотрудников «Великой России», не было ни видно, ни слышно. Татьяна Андреевна Бевзер восседала за чёрным полированным столом овальной формы, который прозвали Рыцарским. Она была подобна Сфинксу, который таки проснулся, восстав от векового каменного сна. Произошло ли это в результате попадания дюжины наполеоновских ядер, что были выпущены по реальной, величественной статуе в XVII веке, или заслышав лязг танков и самоходных пушек Эрвина Роммеля, предстояло установить учёным. Разве что, Платон Ильич… Зябко подёргивая плечами, скрытыми шерстяной шалью, она посмотрела на Мишу сквозь стёкла овальных роговых очков подслеповатыми глазками. Словно приглашая его сесть на высокий вертлявый стул, гаркнула в трубку радиотелефона:

– …Что-что? Как это – только двести строк? Ты, Игорь Андреевич, подумай: ведь это не передовица – вторая или третья полоса. Материал-то сугубо аналитический. И уникальный ко всему прочему. А ты его взял и загубил. По-твоему выходит, что твоей правки он только выиграл? Ты хорошо подумал, прежде чем я позвоню генеральному?!? Так значит, представитель этого банка звонил к тебе лично, а ты

его, минуя генерального или его 1-го зама, заверил в своей лояльности! Ах, вот как! То бишь, ты у нас теперь высокооплачиваемый специалист! Так сказать, о двух концах. Ага-ага… Ну, ясно… Ну, это мы поглядим… Безобразие ты наше горемычное – всё, кладу трубку.

Выговорившись, она звонко отключила связь и водрузила чёрную антенную трубку в ячейку аппарата. Воззрившись на Мишу, Татьяна Андреевна сухо рассмеялась. Безо всяких обиняков она тряхнула седой, короткой стрижкой на «посадочное место».

– Ну, садись, мой дорогой. Гостем будешь. Чаю не хочешь? Правильно делаешь. Я бы тоже не хотела. Так вот, поговорить нам надо, братец ты мой.

«Дорогой мой» чувствовал, что торжественная порка только начинается. Он молвил своё «слушаю», и тут же услышал:

– Ты что это, соколик, испортился? А?.. Вот, читаю твой последний материал: «В городе Сочи с 17 по 20 ноября 2007 года прошла выставка мебели, организованная филиалом русско-шведской компании ЗАО „Велга“. Вниманию деловых покупателей или просто отдыхающих были представлены различные образцы деревообрабатывающего про-

изводства…» Ну, на фига мне это надо? Ну, скажи ты мне, буйная твоя головушка? Кто так пишет – стажёр-недоучка или журналист со стажем? Ты у нас вроде не пьющий. Курить давно бросил. А, тебе, наверное, боксом заниматься вредно. По кумполу видать получил разок-другой. А?.. Стыдно, друг мой, стыдно. А ещё аккредитованный корреспондент «Великой России». В некотором роде, конечно.

Ага, злишься, старая карга, весело подумал Миша, изображая блудного сына. Для виду он обливался потом, часто кивал и напряжённо сучил ногами. Поверхность Рыцарского стола, схожая с чёрным щитом, где мигал экран компьютера, при этом заметно дрожала. Сама ты – в некотором роде. Уже и пошутить нельзя. Бюрократка… Хотя она в общем-то права, вовремя спохватился он. Так писать нельзя. Строго воспрещается, как говорили во времена её молодости. Раньше я писал не так. Писал хорошо. А она зверски корректировала написанное, произнося благоглупости.

– Татьяна Андреевна! Ну, я не знаю. Я прямо-таки стараюсь изо всех сил. Вкалываю как проклятый, как заведённый. Верчусь, знаете ли…

– Да, ещё скажи – как белка в колесе! Что, угадала старушка?

– Вроде того. Что вы мне посоветуете? Я себя сбрасывать со счетов не намерен. Это не в моих правилах бросать бревно на полпути. Когда до цели уже не далеко. Шагов, ну, скажем, двадцать или двенадцать…

Внезапно их голоса заглушил скрип принтера. Его пытался безуспешно наладить Платон Ильич: хитрая машина «шлёпала» по двадцать копий с одной странички. Текст получался какой-то странный. Его всё время приходилось сокращать по новой. Шафранная лысина вспотела неимоверно. Ведь труд предстоял титанический. Мише при этом вспомнилось, как Платон Ильич готовил свой последний материал о «девочках по вызову». Он вместе со своим стажором-внештатником снял номер-люкс (за редакционные деньги, конечно) в гостинице «Москва». Заказав в него спиртное и закуску с ананасами, они набрали нужный телефонный номер. Сделали заказ: «роскошную блондинку с пышными формами» и «жгучую, точёную брюнетку». Что происходило в гостиничном номере, когда заказ прибыл, осталось неизвестным. В материале «Бабочки по телефону» описывалось, как требуемых девиц, когда сопровождающие лица убыли, усадили за стол. Помимо неустойки предложили выпить и закусить, от чего те наотрез отказались. Затем последовали подробные вопросы о клиентах и хозяевах. (В материале с этого момента стали изобиловать многоточия, фамилии из одной заглавной буквы, а также цены

за услуги с тремя нолями.) Оставшуюся часть до последнего абзаца, где за «дочерями порока» захлопнулась дверь, целиком и полностью посвятили рейдам УВД по злачным местам. Сам Платон Ильич, после сего мероприятия выглядел бледным, осунувшимся и подавленным. На расспросы о впечатлениях отвечал неохотно. Более того – у многих сотрудников со столов стали пропадать ручки, стержни, скрепки и даже листики календарей с записями…

– Так, ладно, дорогой мой! – добродушно проворчала Татьяна Андреевна, снимая роговые старомодные очки. – Ты поедешь в Москву на днях. Не спорь с тётей – она на всё сказала. И не смотри на меня как на китайскую Мадонну. Всё равно лучше не буду. Приведи в порядок колонку твоих новостей. И вперёд – труба зовёт. Как говорится, в бой и с песней. Короче, с Богом! Без НЕГО темно и тошно. Точно в сумерки попадаешь. Ведь так, дорогой вы наш – Платон Ильич?

– А я не знаю, Татьяна Андреевна, – ответсекретарь заметно побледнел возле бешено работающего печатного станка, коим со вчерашнего дня стал изящный струйный принтер. – Маюсь в грехах своих, погряз в суете. Катиться дальше некуда…

– А зачем мне в Москву? – спросил Миша. – Ведь куча

выставок всяких, встреч… Выходит, я вам больше не нужен? Как в кость в горле Бармалея.

– Ну-ну, ты у меня поумничай! – зловеще вспыхнула стёклами снятых очков старушка. – Ты не меня случайно имел в виду? Когда насчёт Бармалея…

– Нет, что вы… – Миша даже встал, – как можно? Это шутка такая дурацкая. Просто я хотел спросить: какие будут командировочные и на сколько суток… ну, там про такое-всякое?

– Во-первых, свои дурацкие шутки изволь оставить при себе. Во-вторых, командировочные, как говаривал товарищ Гайдар, естественно будут. Туда, обратно и плюс на три дня проживания в столице. Нашей необъятной РОДИНЫ. Итого все двадцать тысяч из нашей богатой партийной кассы. Так, что б мне не забыть, на, вот – распишись…

Миша размашисто поставил свою закорюку, в которой угадывалось помимо имени и отчества ещё заглавное начало фамилии, на двух бланках. Не через копирку, как было принято раньше. (Один из них тут же подшила к своей бухгалтерии сидящая напротив Светочка. Она, стрельнув в Мишу глазками, тут же опустила их. Явно это было ни к месту.) Будучи на этот раз в приподнятом состоянии духа, Миша су-

нул новенькие бумажки в банковских упаковках куда следует. Не удержавшись, он спросил напоследок:

– А поменьше у вас не нашлось, Танечка Андреевна? Ведь «пятихатками» не особенно берут. Говорят, сдачи на них не напасёшься. Да и подделывать их научились – на компьютерах и принтерах…

***

…Минуя охранника с бритой головой, в чёрной униформе с нагрудной бляхой, сотрясаясь от внутреннего хохота, который был вызван триумфальным «брысь!», Миша вскоре вышел на дорогу. Она извилисто пятнала вниз. Недалеко от этого места в окружении низкорослых пятиэтажек, на травянистом пустыре, где не было даже гаражей, высились три точёных тринадцатиэтажника. Тьфу ты, опять чёртова дюжина или, возможно число апостолов с Христом. В одной из них по точным сведениям от серьёзного источника, полученных от одного из сотрудников ФСБ, проживал некто Размик Саркисян. Пузатый, но страшно подвижный армянин был замешан в наркотиках и каких-то махинациях с оформлением загранпаспортов. Совсем недавно ереванского мафиози видели в окружении местных «шпиёнов» – миссионеров одной из американских церквей. «Если дело выгорит, будем веселиться!» – горячечно воскликнул он. Миссионеры ожи-

вились и тут же дали своё согласие. О чём именно, источник умолчал, вежливо предложив Мише самому это выяснить. Внедрившись либо в миссию, либо к самому Саркисяну.

Что ж, ехать так ехать. Только вот что странно: куда ехать понятно. Но вот зачем ехать? Он хотел было вернуться в панельно-белоснежный кабинет с мурлыкающей оргтехникой. Но какая-то мощная, явно неземная сила сковала его с головы до ног. Ну и что с того? Нет, что это я: вот же свёрток, который Татьяна Андреевна вручила мне. Перед тем как сказать своё знаменитое «брысь!». За время беседы она что-то ощупывала под столом. А затем выложила это на стол. И, едва заметно кивнула на него. И я взял, не задаваясь вопросом, что в нём. Ну, в самом деле, не наркотики, не оружие…

Миша ещё раз обозрел свёрток из плотной, похожей на картон, синеватой бумаги, стянутый капроновыми верёвками. Он прижимал его к утеплённой кожаной груди. В конце-концов руки обмякли и опустились. Словно сами по себе. На свёртке был указан адрес: Турчанинова, 1… Вот сюда мне и нужно спровадить содержимое этого свёртка, подумал Миша. Настроение его всё больше приподнималось, а душа, кажется, готова была воспарить. Наверняка за небесную твердь – поближе к Ангелам. Крылатоподобные существа, одно из которых ему довелось увидеть. В февральскую ночь 1993 года, будучи откомандированным в Ростов, он бродил

по закованным в снег и лёд улицам. На душе было неуютно, хотя печалиться было нечему. В мыслях своих Миша винил человека. Когда стало совсем худо, зашёл в церковь, поставил свечку. Произнёс молитву. Как будто полегчало. Возвращаясь по мету временного жительства, он решил попросить Бога явить ему в знак прощения хоть одно божественное видение. Вскоре в чёрно-синем морозном небе над ним возникло неземное сиреневое свечение. Оно вскоре преобразовалось в светящегося юношу с пышными волосами, в длинных одеждах, с громадными, лебедиными крыльями на плечах. «…Ты точно Ангел Небесный? – спросил тогда Михаил, находясь в состоянии умиротворённого изумления. – А правда ли пишут, что вы в летающих тарелках перемещаетесь? Или это – одно и то же?..» В ответ на это сиреневый, светящийся изнутри юноша с крыльями превратился в подобие облака. Вскоре оно преобразовалось в круг, по краям которого возникли крохотные крылышки. Попытка задать новые вопросы привела к превращению чудесного образования в сияющую точку. И всё…

Ангел наверняка обиделся, подумал тогда Миша. Я погнался в своих вопросах за несущественным. Во всяком случае, теперь всегда, когда я по какой-то причине (потирая глаза от сна, переутомившись в спорте или получив заряд хорошего настроения) вижу крохотные светящиеся сиреневые точки, то знаю: это мои Ангелы-заступники. Они помогают

не только мне. Они помогут нам выбраться из того гнусного ада, в который нас бросили по нашей вине с начала 90-х. Из того ада, в который с незапамятных времён брошено неведомыми, но жестокими силами всё человечество и вся жизнь. И помогают, ещё как помогают, Великий Господь.

Довелось Мише увидеть и некое другое существо. Ровно через два года, в такую же февральскую зимнюю ночь. В то время он очень сильно увлёкся уфологией. Как-то, странствуя по бодрости по заснеженным, опустевшим улицам, Миша внезапно увидел метрах в десяти от себя чёрное горилообразное существо. С покатой головой, покрытой в чёрную блестящую материю, что покрывала чёрные, свисающие до земли руки. Михаила тут же охватило жутковатое ощущение. Для людей духовно не готовых оно означает сигнал к бегству. Но наш герой был не из того разряда. Собравши всю свою волю в кулак, он зашептал «Отче НАШ». Двинулся к страшилищу, уже готовый перекрестить его. Но чёрное существо тут же подалось в сторону. Совершив несколько шагов, оно тут же растворилось в воздухе. Как будто скрылось в морозном тумане. «…То, что не убоялся нечистой силы, то хорошо, – сказал Мише его знакомый писатель-фантаст. – А что следовал за ней пусть и с молитвой – то грех большой. Ошибку ты сделал, старик! Ведь преследовать тебя эта нечисть будет. Повод ты ей подал, старик! Поверь моему опыту, ой будет!» «Да что вы, в самом деле! Не говорите

ерунды – уши вянут», – нашёлся парень.

***

Через сутки Миша уже ехал в Москву. Перед отъездом он пытался созвониться с Татьяной. Но хозяйка её квартиры заявила, что проживавшие у неё сёстры съехали в неизвестном направлении. Он не испытал глубокого разочарования. Только больно защемило под сердцем при мысли, что дорогой, но не вполне понятный его сердцу человек, кажется, потерян и потерян навсегда. Вспомнилось, как они познакомились в библиотеке. Таня, краснощёкая от мороза, с золотистыми, стриженными под каре волосами, в пятнистых лосинах и чёрной короткой шубке была очаровательна. Она сразу поглотила его внимание. Они вместе провели время в читальном зале: сперва, выискивая в каталоге книги по искусству и истории живописи, а затем вместе изучая их. Таня была художницей с дипломом. Чтобы заработать себе на жизнь она устроилась официанткой в фешенебельный ночной клуб «Капитан Блад», но рисовала картины на заказ. Как-то, разговаривая с ней по телефону, он признался ей в любви. Татьяна не удивилась, что его сразу же насторожило. После этого они встретились пару раз в городе. Миша пригласил Таню в кафе, затем они снова навестили библиотеку, где вместе изучали книги по живописи. Он признался ей в тайном призвании: живопись тоже занимает его. Он ри-

совал карандашом и красками. Один раз изобразил кое-что на холсте у знакомого художника. (Позднее знакомый признался, что выгодно продал картину иностранцам, что была названа самим автором «Глаз змеи».) Они уже собирались рисовать вместе (на квартире Миши или самой Тани), но тут всё между ними разладилось. Как водится, внезапно… Она постепенно стала отдаляться от него, как будто опасаясь той глубины чувств, которые он испытывал к ней. Не отвечала на телефонные звонки, под разным предлогом отказывалась от встреч. В конце-концов её сестра открыто сказала ему, что Татьяна где-то работает по ночам. Где именно, ей самой не известно. Вроде бы картины продаёт. Хотя, возможно девушка просто не хотела подходить к телефону. А он готов был поверить в самое ужасное.

«Зачем же лгать самому себе и накручивать то, что не проверено?» – думал он, собираясь в дорогу. (Приходилось выкладывать те или иные вещи, как тёплый дополнительный свитер, банку варенья и домашний пирог с грибами, что мама украдкой пыталась подложить в объёмистую, но не безразмерную спортивную сумку.) Папа между тем допекал его своими разговорами о бдительности: поезда кишат ворами и девицами лёгкого поведения, что, предлагают выпить откровенную «бормотуху», а затем оставляют клиентов в одном исподнем. Затем они посидели на дорожку. Родители, расцеловав его, проводили в путь. Мама перекрестила в спи-

ну. Это было у них семейной традицией. Как выяснилось, сделано это было не напрасно…

Ровно через 12 часов в купе напротив (вагон был плацкартный) возник высокий гражданин в бежевом свитере с аккуратно подстриженными усами. Поначалу он развлекал анекдотами своих соседей. Затем выставил на откидной столик пластиковые литровые бутылки от «колы» и «пепси». Там булькала некая розоватая жидкость. Стал предлагать всем желающим выпить вместе с ним, но все почему-то отказывались. Вскоре очередь дошла до Михаила. Он с готовностью согласился, не ожидая, чем это для него может кончиться. Содержимое объёмистых бутылей на поверку оказалось самогоном с едким сивушным запахом. Они выпили пару четвертинок и включились в оживлённый разговор. Сосед напротив, благообразного вида упитанный старичок оказался, по его словам, учёным физико-технического института одной из стран СНГ, что в советское время работал на «оборонку». («…Короче, в «ящике» пахал дед,» – быстро смекнул парень, вспомнив при этом папины наставления. Они, правда, лишь подогрели его желания испытать судьбу.) При нынешней нищете, по словам научного мужа, они умудрялись производить уникальные спектроизлучатели, предназначенные для работы с магмой. Делали это на заказ некой германо-российской компании, что платила за разработку, производство и доставку баснословные деньги.

– Ну-ка, ну-ка, а поподробнее об этом можно? – внезапно встрепенул усами «бежевый» гражданин, пытаясь разливать своё в тонкостенные стаканы с медными подстаканниками. – А то ведь мой отец тоже был учёный. Фамилию нашу по секретности назвать не могу. Но он тоже занимался подобными излучателями. Так что, сами понимаете – подписку давал соответствующим органам.

– Да ну! На самом деле? – подключился к разговору Миша, чувствуя неладное. Он тут же вспомнил слова Рощина, произнесённые в адрес Лёвки в купе: «Ты на меня не нукай! Я не взнузданный!»

– Да, я вас понимаю, – улыбнулся благообразный старичок-учёный. – Однако помочь ничем не могу. Данная информация, как вы изволили выразиться, является закрытой. Это значит, что она оглашению не подлежит. Поэтому вы должны меня понять, коллега. Тем более, если ваш отец, как вы говорите, бывший учёный-оборонщик.

– Ну, как хотите, – тактично свернул разговор бежевый. – Я пас.

Видя, что со старичком у него ничего не вышло, он переключился на Мишу. Предложил ему выйти в тамбур. (При

въезде в Московскую область, он стал белым и пушистым от инея.) Там между ними состоялся весьма занятный разговор. Впоследствии Михаил не раз вспоминал его. Он стал придавать этому эпизоду одно из определяющих значений в своей жизни.

– Послушай, друг, – вкрадчиво обратился к нему усатый. – Меня интересует оперативная информация. Я в некотором роде, ну… этим занимаюсь… Это мой профиль: добывать секретные данные. Ты меня понимаешь?

– Может, ты ещё оперативной работой занимаешься? – с нехорошим прищуром спросил его Михаил, уперев руки в боки. Ну, твари подумал он при этом, задёшево вам не отдамся. – Давай, признавайся, друг. Мы ведь не на выданье перед невестой? Как-никак откровенный мужской разговор. Да и наряд милиции по поезду ходит.

– Да, в некотором роде, – усмехнулся бежевый. – Хотя нет. Я не о чём таком тебе не говорил. И ещё. Я подумал – а не пойти ли нам обратно в вагон? Выпить по новенькой?

– Почему бы и нет? Хотя насчёт выпить я пас, – открыл дверь в вагон Миша, что вздрагивал и трясся в грохоте пролетающих за ночными окнами полустанков.

По правде говоря, лёгкий хмель от прежних двух четвертинок уже давно выветрился. Миша хотел хлебнуть с соседом по последней. Затем вцепиться в него мёртвой журналистской хваткой и вытащить всё наружу. Но не тут-то было. Стоило только двум обретённым «друзьям» принять по новой, как в тёмном проёме меж свисающих коек возникла высока фигура милиционера. За всё это время он с товарищем пару раз проследовал через вагон туда и обратно.

– Так, попра-а-ашу ваши документики, граждане! – произнёс он смачным голосом, будто смаковал сало или прочие любимые продукты.

Дальше началось нечто любопытное. Миша, не подумав как следует, отдал свой паспорт в руки сержанту МОБ. То же самое сделал и бежевый, словно нарочно согласуя с ним свои действия. Милиционер, хмыкнув, взял оба паспорта и направился с ними в купе проводника, где попытался запереться. Однако, поставив ногу в разъём двери, Миша воспрепятствовал ему в этом. Не желая связываться, милиционер заметил: в вину обоим вменяется распитие спиртных напитков на транспорте и появление в оном в нетрезвом состоянии. При необходимости и Мишу, и его спутника могут высадить на ближайшей станции, где они будут переданы в медвытрезвитель, где пройдут обследование за свой счёт. (От самого сержанта при этом явно несло перегаром.) Миша

попытался убедить блюстителя, что пытался провести журналистское расследование. В подтверждение тому он показал ему (из рук!) красную журналистскую «корочку». Сержант лишь заржал. Он был либо совсем тупоголовый, либо ожидал «красненькую» с «беленькой» в фонд поддержки транспортной милиции, получавшей за свою службу гроши. В глазах этого здоровенного неуклюжего парня в синей форме на «липучках», с газовым баллончиком и табельным ПМ на поясе читалось раздражение и бычье упорство. Наряду с невыветрившимся перегаром это значило: желание компенсировать своё незаявленное и невостребованное «я», оторваться на ближнем своём, который что-то формально нарушил.

Вскоре в купе, лениво ковыряясь спичкой в зубах, вошёл круглый, толстый прапорщик. На его тёртом поясе бряцали металлические браслеты. При виде склонившегося над столом своего коллеги и стоящего перед ним Михаила, загораживающего дверь ногой, он плотоядно усмехнулся.

– Ребята..та-та! – произнёс он почти по слогам, обращаясь в пространство к кому-то невидимому. – Россия это бумажная страна. Все ваши разговоры ничего не стоят. Вы можете быть сто раз невиновны, но если есть бумага, удостове… тьфу… ряющая вашу вину, то ничего не попишешь. Сейчас составим протокол, уплатите штраф. Готовьтесь…

Миша в очередной раз попытался доказать, что ни в чём не виноват. К тому же по вагонам развозили тележки с пивом и водкой. Но бумага есть бумага. Прапорщик, старший наряда МОБ, толкнул его животом с дороги. В ответ на это Миша налетел на него грудью. Он совершенно не задумывался о возможных последствиях. Действовал совершенно невозмутимо. Прапорщик на мгновение опешил. Затем, глядя Мише прямо в лоб, вымолвил:

– Если будете сопротивляться, я прикажу проводнику остановить поезд. Одену на вас наручники и сдам обоих в медвытрезвитель.

– Слышь, придурак, мы тебя сейчас самого сдадим куда надо! – поднял голос бежевый, что заметно приободрился.

Миша предупреждающе ткнул его локтём в бок. Тогда бежевый, заискивающе улыбаясь, зашептал ему в ухо:

– Ну что, здорово я его? Мне это у вас зачтётся? Я смотрю, как ты ему своё удостоверение показал – он совсем затрусил…

Мише захотелось врезать ему в челюсть, но одно мгновение и усилием воли он подавил своё желание. А сержант,

что дежурил над изъятыми паспортами, лениво выполз из купе и встал сзади. Он, по-бычьи наклонив голову, показывал начальству, что готов был броситься, схватить за руку, подмять и растоптать. Правда, в его красных поросячьих глазках мелькал ужас. Драться с ними было, конечно, глупо. Не сопротивляться им было ещё глупее. Поэтому Миша решил действовать иначе. Полагаясь во всём на Бога и свою интуицию.

– Товарищ прапорщик, мне есть, что вам сказать с глазу на глаз, – уверенно обратился он к старшему наряда МОБ.

– С глазу на глаз я беседовать с вами не буду, – спокойно возразил ему прапорщик. – А отойти в сторонку можно. Почему бы и нет.

Усевшись за столик в вагоне-ресторане, Миша выложил ему первое, что пришло ему на ум. Он заявил, что на самом деле он не журналист, а… сотрудник внешней разведки, работающий под прикрытием. Он возвращался из командировки, когда усатый тип в бежевом завёл с ним разговор о соседе-учёном. Пытался с его помощью вытянуть из старика секретную информацию. Самогон, естественно, выступал в качестве прикрытия. Миша выпил самую малость в оперативных целях, чтобы выпить из возможного агента иностранных спецслужб кто он и что он.

Рука прапорщика так и зависла над серыми листами протокола. Да, ему было известно, что ряд сотрудников ФСБ, ФАПСИ и тем более СВР выступают под оперативным прикрытием, что зовётся «крышей». При этом они не имеют на руках служебных удостоверений. Он сам не раз (в чём ООН тут же признался Мише) помогал сотрудника ФСБ на транспорте. Но раз Миша вынужден себя рассекретить, значит… не совершил ли он ошибку?

– Я еду со срочным донесением в Москву, – заметил Миша. – Я должен его доставить точно в срок. Если вы меня по каким-то причинам задержите, меня будут искать и в конце-концов найдут. Вы сами тогда понимаете, что тогда будет.

– Но протокол-то я должен составить, – обижено молвил прапорщик, опуская потускневшие глаза. – А в случае чего, даю вам слово, он будет уничтожен.

– Можете составить, – улыбнулся Миша, чувствуя как опасность переходит на усатого. – А этого товарища, – он хлопнул по спине бежевого, – лучше будет обыскать.

В присутствии начальника поезда, колоритного армянина из Адлера, и молоденькой проводницы состоялся обыск. У бежевого был найден странный пластиковый жетон, по-

делённый на синее и белое. Он якобы был выдан ему заместо утерянного паспорта. Кроме того – тетрадный листик, что был до половины исписан каким-то текстом. Сложив его вдвое, прапорщик сунул его в карман на липучках и довольно произнёс:

– А вот этим тебя снабдили, когда подсадили к нему.

Вскоре поезд сделал остановку. Злоумышленника в бежевом сдали дежурному наряду транспортной милиции. Миша, выйдя на мороз, немедленно поймал под локоть дюжего капитана. Он вручил ему лист бумаги с написанным текстом, где были указаны телефоны редакции в Москве, напротив которых Миша поставил фигурную скобку и обозначил: отдел стратегических исследований службы внешней разведки Великой России (СВР).

***

Приехав в Москву, он первым делом отправился на квартиру к Ирине, с которой предварительно созвонился по мобильному. Чтобы не мешала толпа на вокзале, ушёл в кабину таксофона. Его тут же обступила толпа неряшливых молодых людей. Длинноволосые и с серьгами в ушах, они наперебой предлагали купить «лоху» телефонные карточки, которые, по их словам, были «бессрочные». Пришлось одного

отодвинуть плечом, а другому слегка показать кулак. Пройдя через блестящие турникеты, он оказался в метро. Спустился по гремучей дорожке к станции метрополитена «Курская» и вскоре доехал до станции «Пушкинская» с выходом на одноимённую площадь, где в подземном переходе произошёл небезызвестный теракт. Там же за стеклянными пирамидальными формами некоего ресторана высилось высоченное здание, где располагалась редакция газеты «Великая Россия».

Правда при выходе из метро к Мише привязалась неприятная юная особа. Облизывая вымазанные в шоколаде губы, она предлагала ему себя в качестве «дочери».

– Шли бы вы лучше того – в церковь, – весело отмахнулся от неё парень.

– А что мне там делать? – заманчиво протянула та, не понимая смысла.

– Да Богу помолиться, свечку поставить. Глядишь и мысль, какая новая появится.

– Да ну вас, мужчина. Можно подумать – какой…

Обиженно фыркнув, она бросилась приставать к госпо-

дину в каракулевом пальто и меховой шапке, что беседовал по сотовому телефону. Пусть тебе повезёт, пошутил Миша. Он подумал, что это лучше, чем чертыхаться и попадать в разного рода непредсказуемые ситуации. Выйдя за остеклённые массивные двери, он оказался в подземном переходе, где некоторое время постоял у мраморной доски. Несомненно, что унесённые в этот день жизни не нелепая случайность. Скорее это суть необходимость. Сумма причинно-следственных связей, приобретённых нами из прошлого жизненного опыта, а зачастую из прошлых жизненных воплощений. Потерпевшие катастрофу самолёты и вертолёты, затопленные города и сёла, сошедшие с рельс поезда, сотни, тысячи и миллионы жертв это – процесс включения личной и групповой кармы. Об этом многие теперь знают, но мало кто этим знанием пользуется по назначению. Об этом трудно говорить в телеэфир, пропитанный бездуховной коммерцией, похотливой эротикой, а также кровью и грязью локальных конфликтов, ощущая всеми телесными и душевными фибрами. Ощущая всеми духовными и телесными фибрами, как этот кошмар накопляется и сгущается в мире людей, которые либо не понимают этого, либо пытаются использовать общую трагедию для своих выгод. И хотя подобные передачи уже есть… сколько наберётся людей, могущих открыто заявить в «голубом экране», что, мол, собирались в этот день и этот час именно туда, но – сорвалось и не состоялось по какой-то причине. Но вот – по какой! Может кто-то по-

думал о прекрасном и вечном, кто-то каялся и молил о прощении, кто-то так и вовсе «завернул» себя в храм. А кто-то и вовсе не думал ни о чём. Вырвал себя их шумного, не всегда чистого водоворота жизни, присел на скамью или облокотился о ствол влажного, пахнувшего ароматами далёких лесов дерева в парке. Мысленно устремил себя ввысь – поближе к неведомым далям, которые суть тонкие миры, где царит любовь и свет. Присутствует ВЕЧНОЕ Начало ВЕЧНОЙ Жизни.

Ира наскоро угостила Мишу чаем с брусничным вареньем.

– Ты к нам надолго? – носилась она как угорелая, в одном халате после душа и ванной. – Сорвался с того ни с сего. Я тебя совсем не ждала.

– А что, может под кровать следует заглянуть? – неумно пошутил Миша, одёргивая полог с кистями. – Алло, генацвали? Где ты есть? Вылазий, да! Чай пить будем!

– Фу, дурак! – рассмеялась девушка. – Я к тому говорю, что предки уехали на дачу. Только завтра обещали быть. Правда, могут, как ты внезапно нагрянуть. Но пока их нет, я с тобой, – она тут же приземлилась у него на коленях, прильнув своими губами, влажными и разгорячёнными…

Они познакомились год назад в Сергиево-Троицкой лавре. Тогда Миша тоже был в командировке. По окончании он решил, дабы развеяться, зайти сначала в бар Дома Журналистов. Но затем, ощутив некоторую пустоту в душе, решительно, за сутки до отъезда, купил билет в пригородных кассах до бывшего Загорска, что вернул прежнее святое русскому сердцу название. Через четыре часа, трясясь в неотапливаемой электричке, он прибыл в этот маленький городок. Ещё через полчаса он уже гулял по монастырю, стоял на службе. В храме Трапезная заметил модно одетую девушку. Она ставила свечку к иконе святой равноапостольной Ирине. Затем, помолясь и перекрестив себя, выстояла всю службу. Они вышли по каменной лестнице во двор. Там Миша без обиняков спросил: «А вы верующая? Или так, интересуетесь?» Ира изумлённо тряхнула головой в бархатной шляпке, с опускающимися тёплыми наушниками. «Нет, верующая. Ну, не всегда, конечно, в храм хожу, как вы. Когда особенно нужно, тяжело или хочется что-то попросить у Бога. Это, наверное, неправильно?» Пришлось Мише признаться, что и он на этом поприще не преуспел. Два-три раза в год это не много. Но, признаться честно, если ходишь с душой и просишь искренне (а до этого ещё искренней раскаиваешься в своих ошибках!) это помогает почти незамедлительно. Девушка рассмеялась: «И у меня также! На прошлой неделе подруга затянула в стриптиз-бар, фу, гадость какая… С тех пор

на душе покоя нет. Вот, кажется, замолила. Правда, по опыту знаю, что могут быть сюрпризы. Ведь нечистый их любит…». «Ну да, ну да, нечистый! – пошутил Миша голосом Савелия Крамарова, прищурив один глаз. На них тут же цыкнула одна богомольная старушка, что выносила из храма на месте святого источника бутыли со святой водой. Пришлось заметно сбавить обороты. Выяснилось, что Ирины родители служат в московской мэрии. Сама Ира работает в проектном институте. На все его расспросы о Лужкове, она, не колеблясь, сказала: врут! Конечно, «кепка» не идеален, но для города делает много. Вот недавно в их районе, в их доме в том числе был проведён ремонт за счёт мэрии. Покрашены стены, поклеены обои, заменена сантехника. Это, конечно, скромные услуги, но в других городах (Миша кивнул) и этого не делают. Лужковым вся Москва довольна, несмотря на происки всяких там Доренко с Березовскими.

– Я у тебя погощу пару деньков, – заявил Миша уже на кухне. – Так что не бойся, не объем. Надо кое-что по командировке сделать. Ну, а сутки – с тобой. Меня вот что удручает: мне так давно хочется обойти вдоль и поперёк всю историческую Москву. Пушкинская галерея – век не бывал! Да и Кремль не мешало бы почтить своим визитом. Да что там своим…

– Я вот тоже думаю – что ты только о себе? – хитро улыб-

нулась Ира, надкусывая овсяное печенье. – Меня в расчёт не принимаете, товарищ журналист?

– Ну почему же? – прильнул к её губам на этот раз сам Миша. – Как раз-таки принимаю. А то ведь меня самого не примут в расчёт. Возьмут и спишут за ненадобностью. А то ведь у вас здесь, в столицах, товару завалящегося – немеренно! Патриарший пруд пруди…

– Ой, только вот не надо с булгаковской чертовщиной, – капризно надула губки Ира. – Я тоже предлагаю прогуляться по историческим местам. Танковый музей в Кубенке знаешь? За тысячу рублей можно покататься на любом танке. Хоть на БТ-7, хоть на КВ-1, хоть на «Тигре» с «Пантерой». Вообще выбор широк, а ты, я знаю, интересуешься. Я могу позвонить дяде Грише из штаба МВО. Он мигом устроит – без денег. Кстати, рядом с Кремлём, на Манежной, можно посмотреть сам Манеж. Как его отстроили после пожара. Мне надо в мэрию, в отдел культуры, к тёте Маше позвонить. Она тоже всё устроит. И в подземный комплекс…

– Там тоже можно всё устроить? – надкусывая её печенье, поинтересовался Миша. – Какой-нибудь дядя Саша, известный или не известный… Угадал? Может, дадите мне самому за что-нибудь заплатить, тургеньевская девушка?

– Ну вот! – грациозно заламывая руки, прошлась девушка по кухне, отделанной красным деревом. – Каково? Хотелось сделать приятное своему молодому человеку, а он? Ну ладно, попомню я тебе. Больше сегодня, что б с поцелуями не подходил. Иду спать…

Дело было в воскресенье, и девушка действительно заперлась у себя. А Миша некоторое время пробыл в зале за телевизором. Затем, вспомнив её намёки на помолвку и женитьбу (а почему бы и нет!) решительно отвернул подушку, где лежал перехваченный синеватый пакет. В поезде он держал его при себе, за пазухой застёгнутой на молнию куртки. Несмотря на то, что вагон отапливался, так и не расстегнул и не снял её. Боже, что бы было, если б его попытались обыскать? Когда этот бежевый и этот наряд милиции… Ну, да это всё осталось в прошлом.

– Кстати, Ира, не подскажешь, где Турчанинова, 1…? – спросил он напоследок в закрытую дверь, после чего выслушал о себе массу нелицеприятного…

Вскоре Миша, выйдя со станции метро, упёрся в витиеватую чугунную ограду, за которым расположился небольшой, припорошенный снегом парк и группа старинных строений с колоннами и портиками. Обойдя по периметру, он обнаружил в ограде неприметную калитку на пневматике, с перего-

ворным устройством и кнопкой вызова оператора.

– Вы по какому делу? – донёсся из дырчатой панели домофона приглушённый мужской голос. – Представьтесь, пожалуйста.

– Михаил Николаевич Светлов, корреспондент газеты «Великая Россия», аккредитованный в Сочи, – представился Миша, не испытав волнения. Хотя и понимал, что попал отнюдь не в рекламное агентство. – Мне поручено передать по этому адресу один свёрток.

– Ждите, – произнёс невозмутимый голос.

Миша стоял и ждал, притоптывая от нечего делать ботинками на «молнии». Слушая как хрустит свежий снег, что падал с небес, он принялся вспоминать молитву «Отче Наш». Стал читать её про себя, а затем вслух. Вокруг заметно посветлело. Воздух будто стал легче. Это не раз происходило с ним в храме на молитве и просто в жизни. Но на этот раз…

Вскоре в калитке раздался щелчок. Дверь дрогнула и открылась. Миша вошёл в парк и, немного подумав, с силой захлопнул калитку. Так оно лучше будет, подумал он. А то понабегут с улицы бомжи, загадят ещё чего доброго этот парк…

Вход под мраморным портиком с широкими ступенями располагался со стороны фонтана в виде огромной, запорошенной снегом чаши. Возле него высилась стеклянная оранжерея. В самом парке росли аккуратно подстриженные кусты, в которых суетились шумные воробьи. Они сбивали с зелёных, потемневших на зиму листьев снежную пыль. Миша толкнул на себя громадную дверь орехового дерева с витой золоченой ручкой. Он оказался в просторном мраморном вестибюле с балюстрадой, что была украшенная маленькими колоннами и оббита рытым бархатом. В хрустальных плафонах в виде змеистых толстых свечей с золочёными подсвечниками горел свет, внося заметное оживление в эту полутёмную, почти торжественную обстановку старинного особняка.

– К вам сейчас выйдут, – донёсся слева от него знакомый голос.

Миша обернулся и увидел двух крепких молодых людей в костюмах и водолазках. Они сидели за столом тесной комнатушки сбоку от входа и изучали его спокойным взглядом. Прямо над ними он заметил серый металлический ящик с цветными пластиковыми колпачками, а на столе – некое подобие пульта с микрофоном и телеэкранами.

Вскоре в правом углу балюстрады распахнулась дверь. В вестибюль по мраморной полукруглой лестнице спустился моложавый человек средних лет, одетый в чёрный костюм и светлые брюки. У него было правильной формы моложавое лицо. Серые, маленькие глаза смотрели спокойно, но пытливо, а губы то и дело складывались в доброжелательную улыбку. Он протянул Мише в знак приветствия крепкую белую руку и, не представившись, пригласил с ним пройти.

В небольшой старинной отделке зале, куда они вошли, стены также были обшиты рытым бархатом. В дальнем углу высился массивный, с решёткой, мраморный камин. Они уселись напротив. Миша уютно расположился в мягком антикварном кресле перед стеклянным передвижным столиком с цветными иностранными журналами. Приветливая девушка в вязаном пушистом свитере, что появилась со стороны входа, тут же установила на нём поднос с двумя чашками кофе, фарфоровой сахарницей и фарфоровой тарелкой с печеньем.

– Благодарю вас, Михаил Николаевич, за блестяще выполненное ответственное поручение, – с улыбкой произнёс незнакомец, принимая у него из рук пакет. – Вы нам очень, признаться, помогли. Однако больше вы помогли себе. Да, не удивляйтесь: в жизни бывают такие ситуации, когда человек живёт-живёт и, сам того не замечая, оказывает-

ся в центре событий. Важных для него и всего мира. Впрочем, об этом и пойдёт речь в нашем разговоре. Разрешите представиться – Владимир Николаевич Терентьев, полковник службы внешней разведки (Миша заметно привстал, слегка кивнув) и старший научный сотрудник Центра стратегических разработок при администрации президента Великой России, – улыбка представившегося стала от этого ещё шире. – Один вопрос: вас не удивляет, что вы находитесь здесь и что мы вам поручили доставить данный свёрток?

Миша задумчиво осмотрелся по сторонам. Как бы прикидывая, сколько в этих роскошных стенах отдушин со скрытыми микрофонами и камер видеонаблюдения. Отыскав витиеватую отдушину подле белых, с золоченой росписью плинтусов, он, адресуясь собственно к ней, сказал:

– Да нет, не удивляет, товарищ полковник! Гм-гм, хм… Честно говоря, у меня ещё до поездки появились кое-какие догадки. Поручение было весьма щекотливое, командировочные довольно щедры. Правда я никогда их не тратил, но… Как говорится, бережёного и Бог бережёт.

Владимир Николаевич густо рассмеялся. Пригубив из фарфоровой чашечки кофе, предложил ему рассказать о работе в «Великой России». Каковы общие впечатления, каково мнение о сотрудниках, каково мнение самих сотруд-

ников… Получив в общем и целом положительные ответы, он тепло улыбнулся. Заметил: «Вы сумели преодолеть многие, расставленные нами ловушки». Какие именно, правда, не уточнил. Правда, добавил: преодолевать препятствия Миша только начал. Ему ещё не раз придётся столкнуться с ними.

– У нас есть кое-какие планы на ваш счёт, – немного серьезно, с неизменной улыбкой продолжил разговор Владимир Николаевич. – В течение ряда лет мы скрытно наблюдали за вами. Проверяли в разного рода ситуациях. Во многом вы оправдали наши надежды. Однако мне хочется спросить вас, Михаил Николаевич, с чем были связаны те странные метания, что происходили с вами в университете? Если мне не изменяет память, сперва, вы намеревались оставить журналистику и стать православным священником. Затем и вовсе уйти в монастырь. Даже ездили в Подмосковье и прожили пару недель в Сергиево-Троицкой лавре. Что побудило вас оставить эти намерения?

– Видите ли, Владимир Николаевич, как и все смертные, я человек мыслящий, а, следовательно, ищущий, – начал Миша, отдавая должное его осведомлённости. – К тому же на момент моей учёбы в университете в нашей стране произошла смена двух, а может быть и трёх эпох. Прежние коммунистические идеалы перестали устраивать и меня, и боль-

шую часть общества. Я стал искать себя в Боге. Принял крещение… кстати здесь, в Москве. Я почувствовал в этом смысл всей моей жизни. Ну, а монастырь… Решил, что идеальный монастырь – идеальный способ чтобы познать себя. К тому же жизнь в 90-х вначале показалась мне колоссальной пустотой. Единственным способом изменить её для меня сперва оказался монастырь. Однако, прожив там пару недель, я ощутил другую пустоту.

– А именно? – неожиданно встрял в монолог полковник.

– Охотно поясню. Имя этой пустоте – бездействие, оторванность от жизни. Поэтому я решил вернуться к учёбе. Окончил университет и попытал счастья в журналистике. К тому же сбылось одно пророчество. Старец, отец Кирилл, у которого я был на исповеди, сказал мне: «Ты отыщешь свой монастырь». Я понял это следующим образом: мне нужно обрести свой круг, группу единомышленников, с которыми можно обустроить наше Великое Отечество. По-моему я сделал правильный выбор.

– Очевидно, что вы не ошиблись, – согласился Владимир Николаевич. – В 1995 году по окончании университета вы обратились в федеральную службу контрразведки с намерением поступить на службу. С вами было проведено собеседование, вам была вручена анкета. Но вы оставили ваши пла-

ны. Чем был вызван этот странный поворот в судьбе?

– Я решил, что именно на этом поприще могу оказаться полезным отечеству, – Миша снова отдал должное чужой осведомлённости. – Однако понял, что не вполне готов к такой службе. Надо быть честным к самому себе и не форсировать события. Честно говоря, я не жалею, что оставил тогда эти намерения. Занимал бы сейчас чужое место… Хотя, на днях задумывался о том, не попытать ли счастья на этот раз? Даже заявление на службу подготовил на имя начальника ФСБ. Но не отправил. Пробуксовывать стала моя журналистика – предвидя вопрос и видя интерес в глазах собеседника, пояснил он.

– О, это сейчас ни к чему! – рассмеялся Владимир Николаевич. – Мы одобряем ваш выбор. Тем более что мы всегда видели вас в числе наших сотрудников. Как вы смотрите на то, чтобы служить в нашей структуре? Я имею в виду Центр стратегических разработок при администрации президента Великой России. Мы не занимаемся собственно разведывательной или контрразведывательной деятельностью. У нас иные задачи. В их числе – моделирование геополитической обстановки в мире. Для этой цели мы используем специалистов разного уровня. Мы долго и серьёзно работаем с людьми, прежде чем предложить им работать с нами. Вы нам подходите. Какое у вас мнение на наш счёт, Михаил

Николаевич?

– Мне надо больше узнать о самой работе, – улыбнулся на этот раз сам Миша. – Не хотелось бы покупать кота в мешке. К тому же интересно: совпадает ли моё личное представление о мире с вашим.

– Извольте. Миром руководят не массы, а личности. Это всем известно. Многие понимают и признают это. Однако не многие пользуются этим в своей жизни. Личности многих руководителей таким образом остаются нераскрытыми. Мне думается, что библейское утверждение, что человек создан по образу и подобию Божьему, является этому совершенным подтверждением. Так вот: многие боятся разбудить в себе Бога. И попадают в руки разного рода авантюристов, о которых речь и пойдёт. Не секрет также, что во все времена в жизни любых народов присутствовали охранительные структуры, специализирующиеся на борьбе с подобного рода авантюристами. Или, как мы их обозначили – людьми с деструктивной внутренней программой. Сокращённо – деструкты. Такие носители опасны для той жизненной среды, в которой они имели счастье родиться. Они являются агентами влияния общей деструктивной силы, обитающей во Вселенной. Мы называем её бионегативом. Пытаясь навязать свою волю нашему миру, эта сущность устраивает катаклизмы и войны. Но не просто так! Деструктивная энергия рабо-

тает с разными формами жизни, программируя их на данные негативные события. В качестве наживки выступает древнее зло – искушение властью. Нам приходится вычислять деструктивных носителей. Иногда приходится тратить годы, чтобы эти монстры оказались в специально созданных нами ситуациях. Разумеется, в предлагаемые нами меры иногда входят автомобильные катастрофы, заказные убийства и даже самоубийства. Это когда ситуация настолько запущена, что уже ничего поделать нельзя, – улыбнулся в который раз Владимир Николаевич. – В своё время отдельные руководители вынуждены были расправляться с деструктами с помощью массовых репрессий. Я имею в виду «великую чистку»… Не секрет, что у большей части так называемых невинных жертв руки были по локоть в крови. Если бы в 30-е и 40-е годы с этой публикой не разобрались бы самым решительным образом, страна не смогла бы победить в войне, навязанной деструктами извне. КГБ осуществлял с нашей подачи специальные мероприятия в отношении диссидентов и несогласников. В большинстве своём – таких же деструктивных носителей. Это лишний раз подтверждает их война против своей страны, желание ослабить её культуру, извратить историю, подорвать оборонную мощь под предлогом борьбы с тоталитаризмом. Не правда ли?

– Сущая, правда, – вынужден был согласиться Миша. – Когда же западные, в основном американские хозяева пока-

зали себя не с лучшей стороны в Ираке, в стремлении расширить блок НАТО, это говоруны моментально примолкли. Иные совсем, а иные ещё ревностней стали поливать нашу страну грязью. Хотя СССР и КГБ с КПСС уже давно нет. А они всё ищут и ищут, что бы куснуть.

– Согласен с вами. Заметьте, что в 70-х и 80-х их уже не уничтожали физически. Большинство из них не сидело даже в колониях. Их лечили и изучали в специальных медицинских учреждениях. Как самую последнюю меру биологической защиты мы использовали их выдворение из страны. Просто, гуманно и со вкусом, – полковник и старший научный сотрудник в который раз обаятельно улыбнулся. – Однако в отличие от доктрины товарища Климова, изложенной им в «Протоколах советских мудрецов», мы не считаем евреев носителями зла. Конечно, на Израиль и идею всемирного Сиона эти носители мирового зла давно сделали ставку. В основном в этом преуспели британские деструкты. Именно они организовали массовое истребление евреев в Европе, вошедшее в историю как холокост. Дабы сохранить свою колониальную империю и не допустить создания автономного еврейского государства в Палестине. Зло, как известно, не имеет национальной или религиозной окраски. Зло это явление космическое и человеческое, с которым надо бороться и там, и здесь. В мировом масштабе. В масштабах всей Вселенной. Что ты об этом думаешь, Михаил? – пол-

ковник внезапно перешёл на «ты».

– Думаю, что носителей зла проще вообще не допускать на эту планету, – Миша пристально посмотрел в серые спокойные глаза Владимира Николаевича. – Однако задача добрых, конструктивных сил в том, чтобы вернуть этих падших ангелов к Богу. Ведь они действительно в прошлом ангелы. Стало быть, велика вероятность того, что их можно вернуть. Во всяком случае, попытаться сделать это. Что же до великих чисток и прочих массовых репрессий… Признаться честно, я хоть и считаю себя православным человеком, но верю в переселение душ. Считаю, что мощная группировка негативных сил из числа тех, кто сгинул в колымских и магаданских лагерях, так сказать повысила коэффициент рождаемости в 60-е, 70-е и 80-е. В результате чего страна получила идейных противников, настоящее змеиное гнездо в сердце России. Вариант борьбы с ними путём специального лечения и высылки за границу я считаю наиболее приемлемым. Однако, известны случаи, когда негативных носителей удавалось с их согласия сделать сознательными союзниками сил добра. В истории есть масса тому примеров. Тот же самый Джугашвили-Сталин. Он начал с кровавых эксов. Затем, став правителем России, изгнал из неё Троцкого, очистил общество от его последователей. По сути, он возродил российскую империю, не зависимую на этот раз от иностранного капитала. От тлетворного влияния запада, как говари-

вали в иные времена. И победил Гитлера, возглавив в борьбе с ним весь советский народ.

– Глубоко мыслите, молодой человек. Кстати, я вижу, что тема 30-е-40-е вас интересует. Задумайтесь вот о чём: какие силы стояли за Гитлером и кто помог ему, его партии взойти на политический горизонт Германии. Не так-то просто это было сделать. У социал-демократов был больший вес, чем у коммунистов Тельмана-Пика. Тем более чем у нацистов. Последние исследования позволяют с большей степенью вероятности говорить, что будущий фюрер был агентом европейской секции Коминтерна. Кто стоял во главе этой милой организации, и кто стоял за ней, думаю, не следует говорить.

– Троцкий, да-да…

– Ну, мы отступили от темы, – одёрнул себя Владимир Николаевич. – Просто с вами легко и интересно говорить. Увлекает… Именно по такому плану и строится деятельность Центра стратегических разработок. Мы собираем досье на негативных носителей у себя в стране и за рубежом. Внедряем своих сотрудников в те или иные страны для работы с ними. Прежде всего, уделяем внимание своему Отечеству. Как вы поняли, у нас есть свой внешний и внутренний сектор, так как наши деструкты кровно связаны со своими заокеанскими коллегами. В наши досье мы помещаем все

их стороны жизни: увлечения, пристрастия, сексуальные наклонности и аномалии, внебрачные дети, предательства друзей, долги, афёры и многое другое. В нужный момент мы используем нужную информацию против наших врагов, придавая её огласке. В том числе по каналам СМИ. Своей деятельностью мы создаём оружие против зла. Подбираем особый ключ к душам злодеев, чтобы в конечном итоге получить ключ от самой бездны зла. Чтобы, как говорится, в скором времени загнать их туда, если конечно… Всех, не желающих вернуться к нормальной жизни, – он тут же поправил сам себя. – Что же касается лично вас, Михаил, то нам особенно импонирует, что вы хотели уйти в монастырь. Верующий человек, не фанатик, равнодушный к наркотикам и… э-э… к половой невоздержанности. Вы прошли неплохую закалку, и духовную, и физическую. Интересен период вашей жизни в Сергиево-Троицкой лавре. Через наших сотрудников, внедрённых в структуру православной церкви, мы достаточно подробно изучили его. И пришли к окончательному выводу. На наш взгляд, вы достаточно хорошо подготовлены для серьёзных психических нагрузок, коими в наше время стали называться духовные испытания. Они вас ожидают на том пути, на который вы вступили с этого момента. Ведь это так, Михаил?

– Да, Владимир Николаевич, – кивнул Миша. – Мой ответ, да и точка. Во-первых, я не могу сказать нет, так как вы

мне доверились. Я чувствую себя с этого момента обязанным хранить тайну. Мой отказ выглядел бы отказом в её сохранении. Как поступали во все времена с предателями мне известно. Тем более, я чувствую, что шёл к этому событию через всю свою жизнь. Борьбу со злом я считаю своей жизненной задачей. Я всегда стремился, чтобы одолеть это явление в себе и в этом мире. Поэтому я готов к исполнению своих обязанностей.

– Благодарю вас, Михаил, – Владимир Николаевич пошевелил пальцем мочку правого уха. – Хорошо, что вы не сказали «в вашей организации». Так вот, теперь наша организация получила в свои ряды нового достойного сотрудника. А теперь перейдём к более подробному ознакомлению с деятельностью нашей организации. Здесь и у вас, в Сочи.

Вскоре Миша выслушал подробный рассказ о своей предстоящей деятельности. Затем он подписал «форму два», заполнил анкету и психологический тест, написал автобиографию. Его сфотографировали в специальной комнате для служебного удостоверения и личного дела. В своей речи, которая отдалённо напоминала инструктаж, Владимир Николаевич подчеркнул, что главный спектр Мишиной деятельности будет сосредоточен именно на Сочи. «Да, – заметил полковник СВР и старший научный сотрудник Центра стратегических разработок, – ваш город с момента избрания его

столицей зимних Олимпийских игр 2014-го года становится центром России и всего мира. Тем более что кавказский хребет является сосредоточение психо-энергетических вибраций планеты. К ним подключаются все кому ни лень. Это влечёт за собой определённые последствия. Поэтому данный канал психо-энергетического воздействия надо взять в наши руки. Дабы господа деструкты не могли использовать его против нас и всего человечества. Сознательного, но в основе своём несознательного, что лишь увеличивает потери от катастроф, цунами и землетрясений со сходом снежных лавин. К тому же, там где деньги там и власть. А Сочи притягивает к себе внушительные денежные потоки. Огромную роль в деструктивной обработке масс будет играть и уже играет пресса и религиозные организации тоталитарного толка. И там, и здесь издревле концентрируется вселенский бионегатив, что и порождает деструктов. И теми, и другими плотно занимаются наши спецслужбы, включая МВД и ФСБ. Но в числе их сотрудников немало бионегативных носителей, которыми также необходимо заниматься».

– Вот, кстати! – хлопнул себя Миша по темечку. – У нас в Сочи обретается некто Саркисян. Национальность тут не при чём, но… Я собирал по нему информацию и кое-что накопал. Во-первых, этот тип неопределённой национальности имел отношение к одной из армянских преступных групп в Москве. Якобы занимался сбором наркотиче-

ских средств. Вскоре, не поладив со своими, убежал в Сочи, где моментально стал своим для неких американских миссионеров. Кстати, он каким-то боком связан с выдачей загранпаспортов, что само по себе интересно. Ведь данная процедура проходит через ОВИР. А это и МВД и ФСБ вместе взятые. Не может быть этот Саркисян Размик Саркисович… ну, скажем…

– …из числа нашей клиентуры? – закончил Владимир Николаевич. – Хорошо! Мы изучим этого типа вдоль и поперёк по свои каналам, – он что-то черкнул золотым «паркером» в блокноте с отрывным календарём, что носил с собой. – Вот так, по крупицам приходится собирать информацию об ином человеке. Если он человек… А вы у себе на месте скоординируйтесь с вашим начальством. Пусть оно определится с этой одиозной личностью. Хотя национальность, вы правы, тут не при чём. На его месте с успехом мог бы оказаться Иванов Иван Иванович. Или Иваненко…

Вечером того же дня Миша оказался представлен директору Центра стратегических разработок. Беседа происходила в другом здании, что было огорожено высоким бетонным забором, имело внешний и внутренние КПП с охраной из молодых людей в штатском. Юрий Петрович (так звали директора), разговаривая с Михаилом, высказал пожелание: главный упор в свете предстоящих олимпийских

игр должен быть сделан на журналистскую среду. Бионегатив заполнил собой и газеты, и телеэфир. Это позволяет ему бросать семена своих разрушительных программ на несознательную почву человеческого восприятия. Так с предстоящей олимпиадой у ряда жителей (в основном, молодёжи) связаны не самые лучшие ожидания. Рост наркотиков типа «экстази», проституция, гомосексуальные связи с богатенькими иностранцами… Всего не перечислишь. Конечно, иные деятели считают: неплохо было бы вернуть времена КПСС, когда через прессу и ТВ ничего такое не пролазило. Все щели были надёжно замазаны, все люки задраены. Но враг нашёл хитрую уловку: стал превращать процесс закрытости от зла в закрытую схему. Так и образовался «железный занавес». У нас же это явление стало называться забюрокрачиванием жизни общества. К 1986 году эта схема стала откровенно откачивать из страны все жизненные силы. Её пришлось заменить. Вернее сказать, была сделана попытка, оказавшаяся не вполне удачной. Без предателей, как говорится, не обошлось. Враг, упирая в несусветный тоталитаризм, который сам породил, добился отмены контроля Центра за рядом так называемых реформаторов. В результате чего в конце 80-х и вначале 90-х на лидирующих позициях правительства СССР, а затем России объявилось немало деструктов. Они и укрепили временно дух бионегатива, что привёло к зомбированию общества. Одним словом, брат пошёл на брата, сын на отца…

В довершении беседы директор крепко пожал Мишину руку. Кроме пожеланий в успешной работе он вручил ему служебное удостоверение в виде красной книжки. Разворот был выполнен из цветов российского знамени. В графе должность значилось «младший специалист». В нижней части, помимо печати и подписи директора, значилось: «Сотрудникам МВД, ФСБ, прокуратуры надлежит оказывать активное содействие данному лицу в связи с особыми полномочиями».

Вместе с Владимиром Николаевичем они спустились в буфет и выпили по чашке кофе.

– Ну как общие впечатления? – поинтересовался он. – Вы, я вижу, уже осваиваетесь.

– Да вот, пью с вами кофе, – заметил Миша.

– Хотя мысли где-то витают. Что-то связанное с девушкой. Притом – с красивой. У которой родители явно не из простых смертных, – Владимир Николаевич осторожно пригубил кофе. – Мы одобряем и этот выбор. Одно «но»: не торопитесь с ответом. Никаких обещаний. Это может плохо кончиться. Понимаете? Когда душа находится в стадии формирования, обещания неуместны. Тем более их немед-

ленное исполнение. По вашему прошлому прослеживается один недостаток – чрезмерное чувство ответственности. Не так ли?

– Да-да, – Миша перестал чему бы то удивляться. – Но у меня и в мыслях не было обещать ей… то есть Ирине… Зачем? Всё ещё впереди. К тому же я не знаю её родителей. Так, шапочное знакомство. Они, по-моему, либо не интересуются мною, либо…

– Продолжайте, – ободрил его Владимир Николаевич. – Вы ведь хотели высказать предположение? Ну же?

– Ну да. Вот оно: по-моему, они давно уже собрали обо мне нужную информацию. И это известно кое-кому ещё, – Михаил прозрачно намекал на Центр.

– У меня нет слов, – полковник осторожно отодвинул от себя чашку на блюдечке. – Пойду хлопотать о вашем внеочередном повышении. Звоните, не забывайте, – он тряхнул его за локоть и был таков.

Миша допил свой кофе. Затем, посмотрев телевизор (показывали передачу очередного расследования терактов 11 сентября, где излагалась версия о заранее заложенной взрывчатке в небоскрёбах, отчего те сложились и рухнули),

он решительно двинулся на выход. По пути ему пришлось демонстрировать своё новенькое, пахнущее краской удостоверение на двух внутренних КПП. На выходе из здания его ожидал сюрприз. На полу внешнего КПП лежал огромный, лохматый пёс неопределённой породы. Он загораживал своим грозным видом путь через турникет. При виде Миши собака встрепенулась и глухо зарычала. Охранник, молодой парень в сером пиджаке и тёмной водолазке читал книгу.

– Собака, так нельзя, – Миша спокойно вытянул правую руку. Ладонь он направил на пса. – Дай мне пройти.

Собака продолжила рычать. Однако уши встали торчком, а хвост приподнялся, что сулило благодушное настроение.

– Ну, дай же мне пройти, мой хороший? – повторил Миша свою просьбу.

– Дай пройти человеку, – отвлёкся от книги охранник.

Пёс нехотя встал и приблизился к Михаилу. Повиляв хвостом, он внезапно взял руку парня в открытую пасть и легонько сдавил её зубами.

***

Перед отправкой в Сочи Миша сдержал обещание, данное Ирине. Они побродили по Кремлю, заглянули в Третьяковскую галерею. Однако о предстоящей помолвке девушка предпочитала не вспоминать. Миша решил также не затрагивать эту щекотливую тему. Вспоминая проницательный взгляд Владимира Николаевича.

Гуляя по манежной площади, они думали зайти в Кремль. Но какая-то сила опустила незримую и непроницаемую стену. Складывалось впечатление (Миша улавливал это внутренним зрением, что приятной болью открывало «третий глаз»), что вокруг российской святыни клубилась грязно-серая масса. За красными зубчатыми стенами и башнями, в златоглавых соборах и где-то ещё, скрытый от простых глаз, жил невероятно-сильный источник неземного света. Он восходил искрящимся потоком в небеса. А вокруг, словно ограждая его от простого народа, клубилось омерзительное нечто… Проще-простого было списать это на «сатанинских» депутатов Думы, бесконечный клубок заговоров и козней, что зловещей аурой покрывал Кремль и всю Россию ещё задолго до октября-ноября 1917-го. Проще простого… Мише и не хотелось делать это. Крепко держа за локоть свою девушку, он с удовлетворением отмечал: ей также не хотелось идти на поводу этого грязного «киселя».

– Лично я совсем не замёрзла, – сказала Ира, распуская

тесёмки на шапке-малахае. – А ты, мой милый?

– Ты меня греешь, – немного подумав, изрёк Миша. – Вот прижмёшься и согреешь. Но у меня такое предчувствие, что нам следует ещё пару минут здесь постоять. Так, на всякий случай.

– Ну, давай постоим коли так, – согласилась Ира, выпуская клубы морозного пара. – Я не против, – постучала она меховыми ботами в тигровых разводах.

В ответ на такое терпение Миша взял её ручки и стал растирать их своими. Через варежки, как говорится. Она нежно поцеловала его в нос. Вскоре Миша почувствовал спинным мозгом усиливающееся напряжение. Будто близилась опасность. И верно – кто-то сдавил его плечо рукой и как следует, тряхнул.

Вот так значит, подумал парень. В Москве, стало быть, так знакомятся. Явно, что бионегатив так проявился. Только чего ему надо? Сейчас выясним…

– Я вас слушаю, – сказал он как можно учтивее, не оборачиваясь.

– Слышь, это я тебя слушаю. Повернись, алло!

– Это можно, – встретившись глазами с Ирой, он, придерживая её за одну руку, слегка подался назад. – Так лучше?

Перед ним (а вообще-то за спиной) высился заправской амбал. Весь в чёрной кожанке. Несмотря на мороз, с непокрытой, выбритой до синевы головой. Глазки у этого переростка были узенькие и неопределённого цвета. Такая помесь гориллы с носорогом. Было видно, что мальчик, хоть и не привыкший много думать, на этот раз медлил. Что-то или кто-то стеснял его «безбашенные» действия.

– Ты чё здесь в натуре типа обжимаешься? Чё, в своих Сочах? Герла наша и неча её приватизировать. Понял или на пальцах объяснить?

– Мальчик, ты в каком классе учишься?

– Я не понял: здоровье чё – по барабану? К стоматологу охота? Чё ты здесь паришься? Гони отсюда в натуре!

«Кожаный» сделал попытку взять Мишу за грудки. Но тот умело сделал ему апперкот левой в почку. Правда, рассчитав удар – в пол силы. Зубы верзилы лязгнули, на глаза опустилась сизая поволока. Руки он всё же опустил. А Ира, крепче вцепившись руками в Михаила, едва не сорвала его рукав.

В её глазах соседствовал ужас с восхищением.

– Слышь ты, гандон, – голосом полным плачущей неуверенности начал парнишка. – Я щас по мобиле вызову два грузовика РНЕ. Тебя щас в натуре оттрамбуют. Яйца на брусчатке будут! Понял? Граждане! Русские люди! – заорал он, озираясь. – Жиды руку подняли! На меня! На русского! Вы чё, в натуре, за меня не подписываетесь?

Пару-другую минут продолжалось это якобы патриотическое излияние. За это время, показавшееся ему Вечностью, Миша и Ира узнали о себе много нового. Ира, оказывается, предала русскую идею, путаясь с жидо-масоном. К тому же с заезжим, что было ещё хуже. (Вот бы с местным – тогда…) Миша, понятное дело, был в самом худшем положении. Ему давалось всего 24 часа. Собрать вещи, помыться, побриться, чтобы забыть сюда дорогу. Сюда, значит в Москву в частности и в Россию вообще. Улепётывать предлагалось непременно в Израиль. Иру от таких речей хватило сперва в жар, затем в холод, наконец, в хохот. Она громко хохотала, повиснув на Мишином плече. Сам же парень, собрав спокойствие в кулак, лишь покачивал головой. На каждую тираду бритоголового парировал: «Ну да, ну да. А, ну понятное дело! О, как всё запущено! А, ну Бог с тобой! Ой, прости нас Господи, рабов Твоих грешных».

Несмотря на то, что вокруг ходили люди, никто даже не остановился. Вдали маячил наряд милиции с дубинками и рацией. Но они также не думали подходить.

– Слышь ты, ушибленный! Что б я тя здесь больше не наблюдал. Понял? В поездах не ездей – под колёса бросим, – напоследок бросил бритый в пространство. Смачно плюнув, он заскрипел «берцами» к толпе таких же бритоголовых, в кожанках, притоптывающих у стеклянного подсвеченного купола Торгового центра. Они, вволю посмеявшись, сорвались с места. На Мишу с Ирой даже не посмотрели.

Ой, кто-то у меня дошутится, подумал Миша игриво. И про Сочи ему известно.

– Я не поняла, любимый, что это было? – обдала его белёсым паром девушка, что вволю насмеялась.

– Да так. Много силы – ума не надо, – филосовски изрёк он. – Ты мне сейчас точно рукав оборвёшь.

Пройдя через Кузнецкий мост, они вышли на набережную Москвы-реки. Шествуя по брусчатке Красной площади, Миша с удовлетворением отметил: грязно-серый полог, окружающий Кремль, будто ослаб и поредел. Неужто, и на мне закручена судьба Великой России? В толпе, на которую опус-

кались сумерки (до поезда «Москва-Адлер» оставалось четыре часа), происходили мистические явления. То Мише казалось, что седое от мороза и снега Лобное место обступила толпа длиннобородых людей в сермяжных армяках и лаптях, в собольих шубах на золотых и серебряных застёжках; стрельцы с бёрдышами теснили её, а сверху думный дьяк нараспев читал указ Иоанна Васильевича IV об учреждении опричнины. То ему представлялось польско-литовское нашествие. По бревенчатой Москве с белокаменным Кремлём и златоглавым казанским собором, что своими куполами отображал созвездие Ориона, носились закованные в латы польское гусары с шумящими на ветру лебедиными крыльями. В амбразурах стен клубились залпами чугунные и медные пушки. Польские паны в парчовых кунтушах кричали из бойниц проклятия ратникам Минина и Пожарского, что, разгромив войска гетмана Ходкевича, осадили московский кремль, где был заперт будущий царь – Михаил Романов с чадами и домочадцами. То покрытая дымами столица («сердце России», по определению Наполеона Бонапарта) была заполнена армией «двунадесяти языков». Солдаты в разных мундирах и киверах, французы, пруссаки саксонцы, ганноверцы, итальянцы, швейцарцы, голландцы сновали по горящим улицам. Волокли тюки награбленной одежды, узлы золотой и серебряной посуды. Валялись пьяные и покрытые сажей. В пепле и грязи. Многие из них падут бездыханные по старому смоленскому тракту. Ведь они надруга-

лись над святынями русского и российского народа. Обесчестили церкви и соборы, где устраивали конюшни и отхожие места. Жалко и поделом…

Мише также представился парад ноября 1941-го. «Коробки» полков, уходящих на фронт. Ползущие по заснеженной брусчатке железные коробки игрушечно-малых Т-70 на бензинных двигателях, дизельных Т-34. Врезавшаяся по кинохронике шеренга красноармейцев в суконных шлемах, с американскими ручными пулемётами Льюис. Все проходящие смотрели на трибуну Мавзолея, седую от мороза, где в окружении вождей стоял Иосиф Сталин. Покачивая рукой над суконной фуражкой, в простой шинели, он провожал уходящих на фронт. Многим было суждено погибнуть. Но ещё многие выжили и отстояли Великую Россию. Но без злорадства российский народ вспоминает о 750 000 германцах, погибших в битве за Москву. О почти 10 миллионых потерях Германии, большинство из которых отдало Богу душу на Восточном фронте. Всё в руке Божьей.

Сколько же костей легло в Русскую Землю? Зачем? Сколько душ живёт и воплощается в ней? И у каждой своя судьба. Карма, так называемая, что на санскрите означает «мудрость». Не потому ли столь сложна судьба моего Великого Отечества, что столь сложны и многочисленны судьбы его народов? Настоящему поколению предстоит дать ответ.

– …Тю, привет, герла! – прервал ход его мыслей взбалмошный голос. Некая разряженная девица (чёрная с серебряной мишурой шубка, такие же лосины, серебряной парчи сумочка) выпорхнула на снежный тротуар из чёрного «ланд крузера». – Пыли сюда! А, это твой мен? Его тоже тащи! Едем вместе.

– Оксана, мне не до тебя. Отстань, пожалуйста, – взмолилась Ира, стиснув Мишин локоть.

– Я не поняла – ты что? – Оксана, хлопая накладными ресницами, уперла руки в боки. – Игнорируешь?

– Да нет, ты не так поняла. Просто не могу и всё.

– Мужчина, как вас зовут? – игриво поинтересовалась «герла» у Миши.

– Ален Делон, – не моргнув глазом, ответил он.

– А если серьёзно?

– Михаил, если так.

– Так вот, уважаемый Михаил, вы можете повоздейство-

вать на Иру? Ради меня?

– Нет, не могу, – признался Миша, незаметно пожимая своей девушке руку. – Богородица не велит, – сказал он первое, что пришло на ум.

На ум пришла фраза юродивого из «Бориса Годунова», что, впрочем, приятно польстило ему. Надо же, запомнил…

– Мужчина, я не поняла: вы мясо едите? – не унималась Оксана, у которой поползла одна ресница. – Ира! Я не поняла, ты едешь или нет? В коем веке встретились две подруги, школьные друзья, а она? Нет, не понимаю, – она, выразительно покрутив пальцем, утонула в машине. Хлопнула дверка…

– Ну вот, слава Богу! – Ира, будто старушка, размашисто перекрестясь, рухнула коленями в снег. – Это она меня… ну, туда затянула. Помнишь, я тебе рассказала на первой встрече? Вот какое испытание. Надо же…

– Ну, особого испытания я не ощутил, – приподнимая её на ноги, заметил Михаил. – Разве что так, чуть-чуть. Когда мы вместе, разве нам трудно?

– Нет, милый, совсем легко. Ты как всегда прав, – она прильнула к его губам, не скрывая порыв.

***

По приезде в Сочи, первое, что сделал Миша – так связался с филиалом центра стратегических разработок. Тот снимал под офисы несколько помещений фешенебельной гостиницы города, что выступала в качестве прикрытия. Директор представительства назначил ему время, чтобы познакомить с коллективом, а коллектив соответственно с ним.

Вечером того же дня Миша приехал в гостиницу. Прошёл через роскошный вестибюль, поднялся на лифте. Он без труда нашёл офис номер «тридцать пять». После того, как представился в пульт охраны, массивная стальная дверь отомкнулась.

– Входите, – раздался звонкий женский голос.

Он, теряясь в догадках, ступил в просторное помещение. За длинным полированным столом, где был компьютер и принтер с телефонами, сидела девушка с пышной причёской и весёлыми карими глазами. Её аккуратные ноготочки так и прыгали по матово-белым клавишам приставки. Возле неё на вращающемся стуле сидел молодой человек в костюме и при галстуке. Его серьёзный, чуть насупленный взор мало гармонировал с настроением весёлой девушки. Моло-

дой человек уставился в Мишину грудь. Некоторое время он изучал её. Затем «просканировал» Мишин лоб. После чего вернулся к, надо полагать, излюбленному занятию – созерцанию…

– К Александру Андреевичу? – живо спросила девушка, оторвавшись от своего занятия. – Вы, кажется… – она заглянула в настольный календарь. Для верности очертила одну из записей лакированным ноготком. – Вы Михаил Николаевич, так ли?

– Да именно так, – Миша не удивился причудливому обороту, заранее исключавшему всякое отрицание. – Мне пройти или подождать?

– Минуточку подождите, – улыбнулась девушка. – Он сейчас к вам выйдет. Пока хочу вам предложить чай и кофе на выбор. Будете?

– И то, и другое. Но без сахара.

Охранник снисходительно кивнул. У него глаза смеялись, но губы оставались прежними. Что у них по инструкции нельзя шутить? Вот люди… Тем временем страж вперился взглядом в стенку. Будто вознамерился изучить каждую из её шероховатостей. Вот бы спросить, что он чувствует в этот

момент, подумал Миша. Отстранившись от всего… Хотя заглянуть во внутренний мир человека всё равно что заглянуть в центр Вселенной. (Если у Вселенной вообще он есть, этот центр. Ибо, так сказать, у этого центра должен быть свой центр, его породивший, а у «своего центра»…) Вторгаться в эту область, как сабантуй, никак нельзя. Можно разрушить или повредить само существо. Возможен лишь обмен взаимным опытом. Безусловно, такой славный опыт таинственного и славного внутреннего бытия есть у каждого. Не начать ли каждому со своего собственно?

– А пистолет у вас настоящий? – неожиданно поинтересовался Миша.

Когда охранник привстал, чтобы поправить стул, он заметил: за отворотом пиджака блеснула металлическая плоскость, вставленная в ребристую пластмассовую рукоятку.

– У нас всё настоящее, – вежливо пояснил ему парень.

Дверь полированного дерева внезапно распахнулась. В приёмную вошёл высокий полный человек с огромным мясистым лицом. В знак приветствия он пожал Мишину руку необычайно-крепкой «клешнёй». Жестом пригласил войти в кабинет, где за вытянутым столом с телефонами во главе и селектором внутренней связи, позаимствованным с совет-

ских времён, восседало несколько мужчин.

– Проходите, – Александр Андреевич, несмотря на зрелый возраст и стать, говорил вкрадчивым, любезным голосом. – Вот, прошу любить и жаловать. Наш новый сотрудник. А вы, Михаил Николаевич, познакомьтесь со своими коллегами.

Мужчины охотно протягивали ему свои руки и представлялись. Затем состоялась оперативная планёрка. В первую очередь Александр Андреевич предлагал своим сотрудникам повысить бдительность. Причём относительно тех контрмероприятий, что проводились структурами деструктов. Особенно в них преуспели религиозные тоталитарные секты и мистические школы сатанинского толка, что частенько скрывались под вывесками школ по биоэнергетике, космической йоги, «открою третий глаз одним ударом»… С начала распада СССР на отдельные государства, при содействии иностранных спецслужб (особливо Гарвардского университета, что является стратегической разведкой) была создана сеть деструктивных контор, финансируемых единым центром. «Чёрные технологии» со времён Ветхого и Нового Завета далеко не устарели, но обрели новую силу. Слепые продолжали оставаться вождями слепых. В массе людей, что неосознанно поддавалась деструктивному воздействию, ещё продолжало работать модель искажённого восприятия –

«искривлённое зеркало». Иными словами, всё, что происходит с ними, продолжает восприниматься через негативную сетку.

– В качестве нашей основной контрпрограммы мы используем давний приём – тактику адверза, – Александр Андреевич испил воду из граненого стакана. – Если они используют метод разделяй и властвуй, то мы, соответственно, – соединяй и взаимодействуй. Всякая Божья тварь со всякой Божьей тварью. Ибо, бионегатив есмь сатана, а деструкты есть диавол. То бишь, «диа-вул», или двойная воля. Зомби, одержимые…

– Бесноватые! – подсказал один из сотрудников, сложив руки.

– Вот-вот… На всё Божья воля, конечно. Ведь не секрет – эта тёмная публика живёт за счёт того, что забирает психо-энергетические и биологические ресурсы. Иными словами, занимается элементарным вампиризмом. Воспрепятствовать сему только лишь силовыми методами мы не можем. Не имеем права. Мы в состоянии только предостеречь всякого сомневающегося. Провести соответствующие мероприятия, что помогут несознательным деструктам и несознательной массе бионегатива осознать, как их вульгарно используют. Тот, кто знает, тот уже защищён. Не так ли? Вот

то-то…

Все тактично закивали. Кто-то потянулся к листикам бумаги, чтобы зарисовать первые же, пришедшие на ум знаки, цифры, записать то, что просилось на осознанный план из глубин подсознания.

– …Так вот, репрессии применяются не раньше, чем они осознают свою подлинную сущность. Это незыблемая аксиома тактики адверза. Именно для этого мы собираем на каждого из наших подопечных самое подробнейшее досье, – широкое лицо шефа расплылось в улыбке, – которое впоследствии может быть использовано как для них, так и против них.

– Александр Андреевич! Судя по всему, жизнеспособность сознательных бионегативов напрямую зависит от «поставок топлива», – заметил Миша, который входил в курс да дело. – На мой взгляд, необходимо акцентировать внимание на способы получения данного «топлива». Это, несомненно, ограничит данное явление. Сузит его радиус действия как у нас, на земле, так и во Вселенной. Честно говоря, – парень почесал надбровье, передавая шефу мысль о беседе с Терентьевым, – хотелось бы серьезно заняться именно этой темой. В своё время я облазил немало сект и вампирических школ (сотрудники живо отреагировав, тут же подклю-

чились к прежнему каналу), общался со многими одиозными гуру. Я пришёл к выводу, что у каждого из этих деструктов – своя излюбленная система подпитки. В незапамятные времена её модно было называть энергетическим вампиризмом. По-моему, необходимо выявить из этих разных систем подпитки нечто общее – единую закономерность, наличие которой позволит эффективно бороться с частными проявлениями…

– Мы этим собственно и занимаемся, – понимающе кивнул Александр Андреевич. – Все наши контрмероприятия прежде всего направлены на ликвидацию общей системы бионегатива. Усилиями «обманутых вкладчиков», так сказать. Ещё не пришло время переключать наши главные силы на детальный анализ зла. Мы должны будем для этого собрать, как мозаику, бионегативную программу человечества. Пока этого нет – пауки обитает в прикрытой ими же банке. Имя этой «крышке» – закон Жизни или воля Бога, породившей всё разумное и всё живое. Дескать, раз нас создали по образу и подобию – не моги нас трогать. Иначе – пожалуемся самому.

– Как сказал Ульянов-Ленин-Бланк, не бублик, а дырку от бублика они получат, – встрял тот же сотрудник. – Если пожалуются.

Александр Андреевич торжественно вручил новому сотруднику ключ с магнитной карточкой, что дублировала обычный замок. Сотрудники при этом обменивались впечатлениями. Краем уха Миша ловил: задача учреждения усложнялась связи с военными операциями НАТО в Ираке и Афганистане, а также эскалацией событий на Балканах. (Последний регион был в значительной степени под контролем британских «коллег», что защищали интересы косовских экстремистов, исповедующих ислам. В данном случае, США пытались перехватить пальму первенства у «старейшей демократии», что привело к невероятному осложнению между двумя странами. Уайт-холл всеми средствами пытался не допустить янки в Переднюю Азию, как и Россию.) Взрывы небоскрёбов Всемирного торгового центра грозили вылиться в кровопролитную, затяжную войну между европейским и арабским миром. Беспорядки арабских подростков, учинённые уже дважды в Париже, несмотря на обилие полицейского спецназа, лишь подчёркивали это. Бионегативам явно становилось тесно на этой планете. Как паукам в банке. И те, и другие, если не в состоянии выбраться наружу, обычно пожирали друг друга. В данном случае на съедение была выбрана «лакомая кость» под названием Британия. Поводом послужило движение Талибан. Созданное при поддержке МИ-6, эта боевая организация вскоре оказалась под колпаком у ЦРУ. Сам Бен Ладен, как выяснилось, оставался секретным агентом данной «фирмы». Он был внедрён в бри-

танскую «подкрышную структуру» для одной цели: взять её под контроль, чтобы затем, организовав теракты (они предполагались в ряде европейских столиц) дать повод «дядюшке Сэму» обвинить Британию в попустительстве.

Миша тут же вспомнил изречение в Новом Завете о сыне, что не предложит отцу змею вместо рыбы и камень вместо хлеба. Ему было важно знать мнение дьякона Дмитрия, что также являлся младшим научным сотрудником Центра стратегических разработок. Является ли данная притча скрытым мировым законом: всякое действие равно противодействию. В случае если произошёл неадекватный обмен энергиями между отдельными людьми, странами, континентами, планетами…

– Вынужден согласиться с вами, – заметил тот. – Хотя Библия и христианство как источник борьбы со злом, да и философское учение – явление уникальное. То, что они совмещают и то, и другое лишний раз доказывает их жизненность и божественность. Кстати, вы заметили, что, только, в последней книге Откровение Иоанна богослова, известной ещё как Апокалипсис, звучит окончательный приговор злу и его прородителю?

– Да-да… Как же, как же! Там ещё говорится о злых духах, сатане и диаволе, о древнем змее, что будет окован на тыся-

чу лет. По истечении он, правда, выйдет из темницы и будет мучить святых. Но затем – навечно окажется в геенне огненной. А в конце данной книги есть и такое: сын утренней зари, он же денница и Люцифер…

– Давайте зачитаем, – Дмитрий незамедлительно извлёк из-за борта пиджака с крестиком в петлице карманную Библию. Зашуршал листами, расцвеченными закладками и пометками. – Вот, смотрите: «Я Иисус послал Ангела Моего засвидетельствовать вам сие в церквях. Я есмь корень и потомок Давида, звезда светлая и утренняя». Отбрасываем потомка Давида… Что это значит на ваш взгляд?

– Ну, что это значит… – напряг Миша лоб. – Значит лишь то, что Иисус становится на место павшего и нераскаявшегося Люцифера, обратившегося в сатану и диавола, управляющим нашей планеты. Её Ангелом.

– Всё и проще, и сложней. Бог как Великий Рецепиент, ни за что не согласиться принять от сатаны змею вместо рыбы и камень вместо хлеба. Иными словами, Господь откажется воспринимать неадекватную информацию, способную погубить программу Любви во Вселенной. «Возлюби Бога как самого себя» означает, что образ и подобие не отталкиваются, но притягиваются. Отторжение возникает в противном случае. Причём, разум сатаны ещё не до конца, – Дмитрий неза-

метно осенил себя крестом, – отторгнул светлый образ Люцифера, что является подобием Божиим. Путь к свету ещё не перекрыт. Это, кстати, наводит на мысль о другой притче.

– О блудном сыне?

– Ага-ага! А Сергей Булгаков, отец Михаила, что пытался первоначально назвать своё известное произведение «Евангелием от сатаны»… прости, Господи… вообще полагал, что Люцифер в конце-концов вернётся к Богу. Редкий сын, согласитесь, пусть и промотавший именье отца, данное ему во владение, способен прожить без любви к отцу и без любви отца. А уж когда речь идёт о Небесном Отце…

– Всё дело в том, как отнесётся к этому намерению та публика, что окружает Люцифера. Короля формирует свита.

– Ну, уж, не без этого. Существуют и такие миры, где в результате отпадения от Бога тамошние обитатели до сих пор смутно представляют, кто есть кто. «Ху ис ху», как говорится, – тряхнул своими церковными кудрями Дмитрий, улыбнувшись сквозь усы и бородку. – Эти формы жизни появились на свет Божий в результате действий самого Люцифера. Для контроля над их развитием и дальнейшего накопления ангельского опыта. Эти объекты и субъекты разумной жизни заслуживают самого пристального внимания. Они не ве-

дают что творят. А Фома-неверующий, если вы помните, настойчиво добивался от Христа пощупать рубцы от гвоздей. Дескать, когда убежусь, тогда и поверю! Лишь после этого он осознал кто перед ним. Настолько, стало быть, был далёк в тот момент от Бога. Представляете, куда он осознанно и неосознанно тянул остальных учеников и самого Христа? Одним словом, даже из своего Спасителя человечество пытается сделать своего поводыря, забывая притчу о слепых. Слепые вожди слепых, помните? Что все попадут в яму, независимо от положения, нет смысла сомневаться. А теперь представьте себе, что отношение к Христу как к поводырю нагнетает энергию пришествия антихриста. Порождает сонмы демонов и чудовищ в незримых мирах. Они существовали там и до нашего появления, но наши бионегативные вставки только усиливают их влияние.

Когда Миша добрался до дивана в своём кабинете, он рухнул на него. На матовой панели дверного замка зажглась лампочка индикатора. Теперь уж никто не потревожит! Существо парня оказалось на некой сияющей вершине, согревая его от внутреннего холода, что замораживает человечество со дня грехопадения. Вся Мишина предыдущая жизнь (не говоря уже о прошлых воплощениях, если таковые были) оказалась просто прелюдией к свершившемуся. Бесконечные поиски, метания, совершённые им глупости и найденные верные решения – всё это представлялось ему не вполне

реальным. Словно было взято частями из другого, неземного мира, что издавна служил переходным мостиком в новое измерение жизни для здешних обитателей.

Ощутив себя единым целым со своим рабочим (вернее, творческим) местом, Михаил отомкнул один из ящиков, встроенных в овальный стол с оргтехникой. Извлёк первую же папку. Там находились служебные инструкции, которые необходимо было изучить перед тем, как приступить к деятельности. Помимо известных ему положений «формы два» о неразглашении любых данных, в них освещалась структура представительств Центра на местах. Так, помимо начальника и его секретариата с общим отделом и «хзо», с сотрудниками коих Миша немного успел познакомиться, существовали и действовали отделы: информационно-аналитический и информационно-технический, названия которых говорили сами за себя. Они в свою очередь делились на отделения о специфики, которая учитывала область применения и оперативность. (Так, скажем, отделение, что ведало СМИ было оперативнее отделения по защите культуры и искусства. Среда деятельности сотрудников сама подсказывала, что деструкту-художнику или деструкту-писателю гораздо ловчее уходить от деятельности Центра, чем деструкту-журналисту.) Кроме того в составе представительств и Центра был отдел собственной безопасности. В его обязанности входило предохранять сотрудников про-

чих подразделений (особенно, их руководство) от неосторожных попаданий в затяжные катастрофные ситуации могущие возникнуть в работе с бионегативами. Особенно при соприкосновении с их собственными СБ при олигархических, мафиозных структурах, а также при столкновении с сотрудниками-деструктами иностранных спецслужб. Вместе с тем отдел «собственников» пересекался с деятельностью отделения Степана Владимировича, бывшего районного прокурора. Бионегативы давненько научились внедрять своих агентов в силовые структуры. Те вершили под прикрытием званий, служебных удостоверений и связей свои чёрные дела, выколачивая деньги, организуя притоны, укрывая преступников. Параллельно с этим расширял своё влияние так называемый преступный мир, который с 2000-го стали постепенно ограничивать. Но сращение госчиновников и преступников ещё давали о себе знать. В этой зловонной среде как поганки прорастали сатанинские программы, презревшие и Божеское и человеческое. Прикрытие обеспечивали помимо спецслужб НАТО многочисленные (уже лицензированные!) «космические йоги», колдуны и шаманы всех мастей, что толковали карму как клубок якобы вечных противоречий. Дескать, его можно распутывать лишь помаленьку, компенсируя обиды из прошлых жизней поиском обидчиков и воздаяния им в том же объёме «по полной». Правильное понимание «любите врагов ваших» попросту игнорировалось, что приводило к обострению и подпитке «клуб-

ка» за счёт уворованной у Бога жизненной энергии (Параны). Пока ещё до полного включения механизма Апокалипсиса, что не предусматривал разрушения физического мира и уничтожения всего живого, это у бионегатива сходило с рук. Ведь «Бог есть любовь», а потом уже ответственность.

Что же до характера собственно службы, то в соответствующей инструкции значилось, что сотрудники Центра имеют право вступать в доверительные отношения с гражданами получать от них необходимую информацию. Также по «форме два» получать доступ при наличии запроса за подписью директора Центра или региональных представительств к данным из досье спецслужб. При введении через Интернет кодового пароля на электронную страничку (сервер) начинала поступать информация «по запрашиваемому объекту» через ГИЦ (Главный информационный центр), что также обслуживал ФСБ, МВД, ГРУ, Прокуратуру, Минюст и т. д. Согласно положению «О статусе сотрудников Центра стратегических разработок» за 200… год разрешалось привлекать к оперативному сотрудничеству «спецконтингент» на добровольных и принудительных началах (в последнем случае только сознательных бионегативов), брать подписку о неразглашении оных отношений, одаривать их денежными вознаграждениями и прочими поощрениями «в случае успехов в работе из оперативного фонда». Однако производить скрытое наблюдение с применением аудио и видео-аппара-

туры, изучать и копировать личные документы и «прочие носители информации» только в случае проводимых оперативных разработок прочими спецслужбами или возбуждению прокуратурой уголовных дел. До того приходилось довольствоваться лишь «применением моральных санкций», что включали в себе правильное «распределение потоков информации по спецконтингету». То бишь через доверенных сотрудников, выступающих в качестве информаторов, скрупулезно изучался каждый шаг данного объекта-субъекта, чтобы потом…

Вот-вот, подумал Миша, вспоминая иных своих знакомых и знакомые примеры. Сколько бы персоналий не стало на путь зла, если бы данные информационные потоки всегда распределялись правильно. А то ведь время от времени бионегативы берут их под свой контроль. А что тогда? Впрочем, «кого Бог любит того и наказывает». На первый взгляд, несправедливая аксиома. Однако кто его знает. Испытания, через которые проходило грешное пока ещё человечество в эпоху Ветхого завета, должны были отделить заранее зёрна от плевелов (спецконтингент от всего человечества). Кстати, как там Ира, подумал он. Не позвонить ли, не потревожить? Он набрал по мобильному её номер (пришлось залезть в память, так как собственная память подвела) и услышать после длинных мелодичных гудков: «Абонент временно недоступен. Позвоните позже». Жаль…

Он вспомнил, как они раскрасневшиеся от мороза доехали на метро до «Пушкинской». Дома у Иры горел свет. Приехали с дачи, что достраивалась под Наро-Фоминском, её родители. Отец, судя по осанке бывший военный или чекист, с аккуратно подстриженной щёточкой усов, вежливо поздоровался с ним. Задав несколько вопросов о жизни и журналистике, хитро наблюдая внутренним зрением, он оставил молодых людей в зале у телевизора. Затем тактичный допрос повторила мать, усадив их пить чай за полтора часа до Мишиного поезда. Загадки-загадки…

***

По роду своей деятельности Михаил (как и другие сотрудники Центра) соприкасался с коллегами из ФСБ. Всякий раз, когда он набирал соответствующий номер службы на Театральной, частенько ощущал непонимание, а порой и скрытую неприязнь ряда чекистов. Они мыслили по своему, частенько углубляясь в ненужные детали. Порой это снижало эффективность их же работы. Среди них попадались скрытые и явные бионегативы, за которыми надзирал бывший районный прокурор. В отношении несознательных деструктов он вёл кровопотливую разъяснительную работу. Создавал им различные ситуации, в которых они получали максимум информации о самих себе и получали возможность вер-

нуться к Богу. Михаилу приходилось бывать очевидцем тех изменений в тех или иных загрязнённых душах. Он искренне радовался за них. Однако основной, закрытый контакт с этой структурой осуществлялся через специального внедрённого сотрудника Центра, что состоял при отделе защиты конституционной безопасности департамента контрразведки ФСБ.

На этот раз, как и прежде, Миша обратился к Афанасию Петровичу с одной целью: «пробить информацию» по ряду бионегативов, что параллельно числились в разработках у чекистов. Прежде всего, его интересовали журналисты, что увлекались биоэнергетикой в области техник зомбирования или нейролингвистического программирования (НЛП). В особых файлах компьютерного досье находились «телевизионщики», что были замечены в контакте с сатанистами как в тонком теле, так и на плотном уровне. (Так одна из известных телекомпаний города объявила на 1 мая прошлого года о предстоящем шабаше на Лысой горе, возле остатков от ресторана «Старая Мельница», что сгорел в лихие 90-е в ходе известных разборок.) Помимо этого большое влияние в России, Болгарии и Франции, включая США (последнее всплыло не так давно!) захватил так называемый научно-учебный центр «Дельта» под управлением Золотарёва Евгения Борисовича. Бывший сотрудник 5-го управления КГБ, доверено-приближённое лицо бежавшего в Британия Бориса Березовского и бывшего шефа его СБ, он про-

водил с конца 80-х и начала 90-х семинары, что назывались нарочито – «психо-энергетические». Для психов, понятное дело. Ибо каждый участвующий обязан был на 7 дней поселиться в кемпинге, или пансионате и забыть многое из того, что являлось обычным для каждого мало-мальски развитого человека. А именно: имя, фамилия и отчество. Вместо этого ему или ей предписывалось называться «хомяком» (без поправки на пол), есть как можно больше, по возможности не мыться, ходить «паровозиком», держа друг-дружку за плечи и глядя друг-дружке в затылок, зарисовывать картинки из космоса и записывать методом «автоматического письма» информацию, что была якобы оттуда же. Ни много ни мало… Эмиссары данной тоталитарной секты, что именовали себя «хорьками», давно вели в Сочи свою разрушительную деятельность. В обмен на идею управлять массами через подсознание или тонкий мир, они затягивали на семинары людей, что превращались в «бабочек». Иными словами, у ряда участников «сносило крышу». Они исстрачивали все деньги, занимая сначала у родных и близких, а затем у вновь прибывших «хомяков». В конце-концов эти люди переставали быть людьми, превращаясь, по определению Золотарёва, в канал для поступления информации или «одноканальных зомби». «Двухканальными» он называл тех, кто помимо приёма информации был задействован для неких акций после того, как с него бралась подписка: настоящим снимаю с научно-учебного центра всякую ответственность за свою

смерть, повреждение в рассудке, потерю имущества и т. д.

Афанасий Петрович встретил его на одной из уютных лавочек под лёгкой металлической беседкой, что украшали парк через дорогу напротив Зимнего театра. Под видом сложенной газеты «Великая Россия» он передал ему ксерокопии ряда документов о деятельности ряда бионегативных субъектов. Большинство из них в совершенстве владели техниками психического воздействия на подсознание, а также психологической защитой, имели навыки напускания сглаза и наведения порчи. Этому они обучились у ведущих чёрных колдунов России и зарубежья. Миша и его коллеги вздыхали: как непросто будет одолеть «древнего змия», сатану, диавола и князя тьмы в этих душах, считавших поначалу искренне свои аномальные сексуальные и прочие наклонности, как-то неуёмная жажда власти, признаками «голубой крови», высшего озарения, избранной расы и даже мессианства. Многие из них жаждали прихода антихриста, желая послужить в его близком окружении. Они также искренне полагали это время прекрасным в виду снятия многих формальных и неформальных табу. Как-то: на стремление вести распущенный образ жизни и решать все конфликтные ситуации исключительно силой.

– Страдалец вы наш! Ну что, подкинул вам вшей за воротник? – пошутил, уставившись в небеса, Афанасий Пет-

рович. Он закурил «Нашу марку». – А что поделаешь? Такая у нас работа. Служба… Эти паразиты и меня покусывают, признаюсь честно. Достают временами. Поэтому необходима помощь. Я бы сказал ускоренная помощь, Михаил Николаевич. Сколько этой заразы в последнее время съехалось в Сочи! Боже мой, ужас какой! Ввести бы сей час святую инквизицию или сталинский ГУЛАГ. А то сил нет смотреть и чувствовать это безобразие. Не верите? Чего улыбаетесь? Так я же серьёзно. Лучше доведите до сведения руководства. Мол, сил больше нет терпеть. Моча на пределе. Мочи, как говорится, нет. Понимаете, Михаил Николаевич? Лучше поделитесь мыслью с отмирающим поколением, чем улыбаться.

– Мне некогда, Афанасий Петрович, – улыбнулся Михаил, взбудоражив себе затылок. – Дел по горло, а то и по самую маковку. Даже выше. Вот, вашими молитвами да молитвами прочих добрых людей и держусь. В церковь иногда захаживаю, свечку поставить. К иконе приложиться… тосё, пятое-десятое… Что же до «комбинатов смерти», то – мы же так больше не работаем! Не правда ли, Афанасий Петрович? – он проникновенно посмотрел ему прямо в глаза. – Наша задача была и пока есть – стравить зло со злом. Уничтожить врага его же собственными руками.

– Молодец! Так и надо держаться, – Афанасий Петро-

вич хлопнул его по правому плечу. Контроль есть контроль. Ты же понимаешь, что ни я его выдумал? Вот именно: силы зла не дремлют, но выискивают повод вселиться даже в самую закаленную и освещённую душу. Как твою и мою. Особенно в наше время, когда так всё перемешено. У тёмненьких начинается пси-энергетический голод. Взаимное пожирание, не шуточное дело. Однако никогда не знаешь, когда тебя укусит раненый зверь…

Внезапно он застыл как каменное изваяние. Успел скосить глаз налево, чтобы успел обратить внимание. По парковой дорожке под голыми ветками, что стелились по металлическим аркам беседки, двигался одинокий человек в длинном чёрном пальто. У него были острые, пронизывающие глаза. В руке он нёс синюю нейлоновую спортивную сумку «рибок» с пластиковыми вставками. Прохожий неспеша проследовал рядом и, как показалось им, зловеще усмехнулся, обнажив желтоватые кривые зубы под коричневыми, сморщенными губами. Используя «третий глаз», Миша совершенно ясно увидел в глубине аурального слоя, что охватывал прохожего виде кокона, грязный комок. Он жил в своём носителе обособленной жизнью, время от времени дёргая за нити пристрастий и рефлексов.

– Тёмненькие навели на нас своего агента, – Афанасий Петрович проницательно изучал высокую, чуть сутулую спи-

ну прохожего. – Кстати, не первый раз его вижу. Такое ощущение, что эта публика решила со мной поквитаться. Выследили… Вот и вас это коснулось, молодой человек. С чем я вас и поздравляю. Придётся теперь задействовать коллективное мероприятие. Вам ясно?

– Да уж, придётся, – чужим голосом согласился Михаил, облизнув губы, ставшие сухими. – Надо будет немедленно доложить шефу. Нет, сразу же прозвонить «собственникам», чтобы они… Раз вы уже не первый раз с ним сталкиваетесь… Кстати, почему прежде не доложили? – сделал он попытку, но, встретившись с холодным взором, тут же отступил. – Насколько я понял, в такие моменты у вас наблюдаются особенно сильные проявления тьмы? Я так и подумал. Только что сам испытал. Почувствовал, так сказать, на собственной шкуре. Не дай-то Бог…

– Надо разбегаться, – выдавил из себя Афанасий Петрович. Глаза его заметно потускнели, лицо вытянулось и стало жёстким и совершенно чужим. – Делаем в одиночку два-три контрольных круга по периметру и дуем каждый в свою сторону. Здоровья, удачи и… до скорой встречи, Михаил Николаевич.

Проведя самостоятельно защитные мероприятия, Миша на ходу связался по мобильному с секретариатом. Он прежде

попытался дозвониться до отдела собственной безопасности, но там отчего-то не отвечали. Причём, как у начальника, Павла Петровича, так и у его двух замов. Сотовый первого работал на приём голосовых сообщений двое других были временно недоступны. Не иначе как в бетонных подвалах кого-то ломают… Однако Клавочка, секретарь-референт шефа, была как всегда на месте. На текущий файл, готовый к рассылки на электронные странички «по инстанции» (отделов), тут же была сброшена информация категории «экстра А». В ней значилось: «15 ноября 200.. года, 15 часов 45 минут. Ситуация внедрения в среду контакта сотрудников бионегатива по профилю агент-диверсионник. В среде контакта задействован сотрудник Воронов. Прошу немедленной проверки по профилю „контроль“. Светлов».

– Принято! – сказала Клавочка как заправская телефонистка или оператор на канувших в Лету пейджинговых станциях. – Всё в порядке. Продолжайте работать. За вас уже молятся, посылают вам золотые лучи. Удачного возвращения!

Улыбнувшись, Миша тут же поблагодарил девушку. Прежде чем отключить сотовую связь сам отправил представительству, представив его в своём воображении, мощный золотой луч. Так оно будет лучше. Каждое помещение обвёл мысленно золотой каёмкой. И каждого сотрудника, включая

Клавочку, Дмитрия, охранника-собственника Сергея и, конечно же Александра Андреевич, заключил в золототую оболочку. Судя по приливу сил и наполнению светом, что происходило как внутри так и снаружи, на него воздействовали также. Сотни, тысячи, миллионы… все, кто сознательно, полусознательно и неосознанно задействован в пси-энергетической структуре Центра. Верующих и неверующих, просто порядочных людей и иных форм жизни. Не доступных порой (кроме «третьего зрения») простому глазу.

Всё-таки приятно, когда о тебе думают и заботятся, подумал он на ходу. Нравлюсь я ей, вот что. Это же очевидно, пентюх ты сочинский. Причём для всех: Александра Андреевича, охранника Сергея, Дмитрия. Все это видят, все это поддерживают и ждут счастливой развязки. Вернее нового витка завязывающихся отношений. Но активно помочь никто не может. Да и как тут поможешь? Центр разработал много программ, что боролись со злом и побеждали его. Нет и никогда не будет готовых рецептов, чтобы осчастливить два сердца. Тем паче, если эти сердца не чувствуют друг к другу сильной взаимной привязанности. Одно, положим, чувствует, а вот другое… У другого есть другое сердце, коему он поклялся (мысленно!) в вечной любви. А Клава… Клава для меня надёжный друг, товарищ по священной работе и героической службе. Не более того, к сожалению.

Шествуя к представительству, которое все называли «ящиком», Миша инстинктивно набрал Ирин номер. Тьфу ты… Прости меня, Господи: «Абонент вне зоны досягаемости». Он ощутил нешуточную тревогу. Позвонил на Ирин домашний. Обычно раздавались сигналы записывающего устройства. Бодрый голос Иры общался с позвонившим: «Здравствуйте, дорогие товарищи и тем более господа, ещё более дорогие, чем товарищи. Просим вас не тревожить этот номер по пустякам. Оставьте быстро своё сообщение и, если оно не содержит ненормативной лексики и всяких „измов“, позвоните нам ближе к вечеру. Целую родных и близких. Особенно сильно моего дедусю и самого дорого на свете человека, после него, мамы и папы. Он сам догадается, когда услышит. Пока!» С минуту, что показалась ему миллиардом лет в вечной мерзлоте космического сияния, он не слышал в мембраны сотового никакого сигнала. Лишь щелчки и потрескивания. Будто кто-то топтал сучья или хрустели чьи-то косточки. Когда боль в груди и во лбу стала почти невыносимой, раздался незнакомый женский голос с плёнки: «Номер временно отключён». Здрасьте, приехали…

«Надо установить личность «чёрного», – внезапно пронеслась у него в голове чья-то мысль. Через минуту она, эта чужая мысль, стала почти родной. Она вытеснила почти всё. Некий слепящий поток вырвал его из бытия. Развернул на 180 градусов от той цели, что он преследовал раньше.

Но он не почувствовал себя отщепенцем. Через другую минуту, что пришла уже без боли и томительного, тягостного ожидания он ощутил себя вновь в пси-энергетичеких потоках Центра. Новая задача не противоречила им. Эх, по горячим приметам этого «чёрного» не возьмёшь поди. Ушёл давно. Если не в иное измерение, то… К нашему спецу в УВД ни сегодня-завтра обратится Александр Андреевич, чтобы тот запустил соответствующую ориентировку. Высокого роста моложавый мужчина, в длинном чёрном пальто, с большой синей спортивной сумкой «рибок». Не густо, не густо, подумают опера из убойного отдела. Опять нам «глухаря» вешают. Что ж, пошукаем, если клиент такой серьёзный. Авось что и наскребём для тех, у кого голова загружена делами и кому ночами не спится спокойно.

Он всё-таки набрал по сотовому номер дежурной части УВД и попросил позвать полковника такого-то. Как всегда тот оказался на месте, так как был кабинетный работник, а своё отбегал, отстрелял в молодости. Сотрудник «Дрозд» обещал предпринять по горячим следам всё возможное. Он горячо заверил своего «параллельного» куратора, что в случае чего будет нем как рыба.

– В каком-таком случае? – не удержался Миша от лёгкого сарказма. – Ладно, верю. Поторопитесь, это очень важно. Что до шефа и Божьего гнева, я сам разберусь. Небось,

не казнят нас, не распылят на атомы. Посылаю вам золотой луч…

В голову тут же вошло намерение: вернуться в парк, отследить фон вторжения в контакт, взять «информационный след». (Не секрет, что человек оставляет за собой события, что характеризуют его как личность. Их след, если его взять верно, может вывести на самого человека или группу людей.) Такое мероприятие иногда немедленно выводило на искомый объект. Вот и поищи, энтузиаст ты мой. Он опустил молнию на чёрной кожанке и заметно сбавил шаг. В конце-концов, никто никого не гонит.

Информационный след, взятый с места определяющего события, повёл к гостинице «Приморская», где снимали одну из серий «Улиц разбитых фонарей». Полюбовавшись вечнозелёными пальмами и пляжной набережной, где бушевали гребни серых волн, Миша решительно пошёл мимо кафе «стекляшка», служившем для встреч гей-меньшинств. Пройдя мимо «Парк-отель», отстроенный на месте бывшей гостиницы «Ленинград» (собственность предпринимателя Батурина, зятя «кепки»), он подошёл к бывшему кинотеатру «Стерео», бывшему же ночному клубу «Белая дама», где ныне располагался штаб «Олимпиада 2014». Двигаясь «на автопилоте», он спустился по лестнице Курортного проспекта и вышел на Платановую аллею мимо ресторана «Каскад».

Постояв с минуту, он решительным шагом проследовал мимо здания УВД по переулку Электрический и мраморной стеле погибшим сотрудникам милиции к бывшему кинотеатру «Спутник». Место это, обнесённое строительным забором, находилось перед массивным Ривьерским мостом. Напротив высилось сверкающее мрамором и стеклом здание главпочтампта с фонтанами и стелой из коричневато-красного гранита с текстом из указа Президиума Верховного Совета ЦК КПСС за подписью Л.И.Брежнева, посвященного приданию городу-герою и курорту Сочи особого статуса всесоюзной здравницы.

По-видимому «чёрный» здесь был. Мог вот так же прогуливаться. Чтобы найти себе подпитку, выдергивая сгустки лакомой энергии из проходящих и сидяших на лавочках. И то и вовсе – задействовать пси-поле или эгрегор, что вырабатывается всеми разумными существами (наслоенный «информационный след»). Всё это необходимо было проверить, что Миша и собирался сделать. Рассчитывая при этом на принятые меры Центра, а также ФСБ и УВД.

Однако не тут-то было. Что называется, баран начихал или кот наплакал.

– Патрульно-постовая служба. Сержант Макаров, – лихо отрапортовал, приложив руку к кожаной форменной фураж-

ке-кепи молодой парень, срочник из батальона МВД. Их ещё называют «бандерлогами». – Предъявите ваши документы, пожалуйста.

За ним маячили ещё двое. При этом Миша отметил: от прежних «желторотиков», обутых в сапоги и бушлаты не по размеру, не осталось ни следа. Город да и вся страна с 2003 года заметно подтянулись. Парни выглядели браво: в кожаных щегольских куртках, в новеньких «берцах». Дубинки были закреплены на поясах и не оттягивали запястье. Было видно, что их хорошо кормили. Вместо шипящей древней рации «татра» у всех трёх наблюдались сотовые телефоны.

– Сейчас, сейчас… – заторопился Миша.

Он понимал, что несколько увлёкся. Журналистской «корочки» при себе, к сожалению, не оказалось. Он мгновенно вынул кожаный «бумажник» и развернул его перед лицом сержанта. Взорам наряда ППС была представлена служебное удостоверение Центра стратегических разработок при Администрации Президента Российской Федерации. Произошло то, чего он больше всего опасался. «Бандерлоги» ещё больше подобрались и даже вытянулись, приложив руки к козырькам. Отмахнувшись от них и пожелав счастливой службы, Миша припустил в парк, что находился возле

бывшего кинотеатра. Сел на лавочку возле бассейна, выложенного ракушками и морскими камешками, с огромным древним якорем посередине, что был, кажется, на одном из судов русской флотилии, отбившей у турок Черноморское побережье. Краем уха, удаляясь, он слышал, как старший наряда по фамилии Макаров сказал вполголоса: «Странно! По ориентировке вроде этот проходит. Высокий и весь в чёрном…»

Расслабившись на лавочке, он тут же пришёл к выводу. Допущена опрометчивая ошибка: он не имел права пускаться в «свободный поиск» без подстраховки «собственников». А его звонок в УВД скорее всего возымел обратное действие. Или сработали контрмеры деструктов, у коих также были свои сотрудники в ФСБ и УВД. Каждой твари по паре, как говорится. Накатила волна пси-энергетическая… «Чёрный» применил к нему так называемую зеркалку. Отразил на него его же сомнения, что зовутся в народе самоедством. Слава Богу, это вылилось в трёх незадачливых патрульных. А ведь по мере ответственности, её завышения или занижения, могло последовать нечто иное. Наезд автотранспорта, нападение пьяного с лопатой или группы подростков с цепями…

Было 18—00. Начинало уже смеркаться, и зажглись фонари на улицах и парковых аллеях. Он немедленно встрепенулся, заслышав знакомый мелодичный сигнал на поясе.

Он раскрыл серебристую коробочку телефона и прочитал сообщении SMS: «Срочно иди на пляж Кавказской Ривьеры, к ограждению у санатория „Сочи“. Работать по легенде. По окончанию мероприятия быть у меня. Андреевич».

Так-так, подумал Миша. Видно что-то срочное и серьёзное намечается. Плохо журналистская «корочка» не при мне. Неужели дома оставил? Похлопав себя по куртке, он к вящему удивлению отыскал красную книжицу с золотым тиснением в кармане рубашки под пуловером. Как она туда попала? Как ни странно, но он толком не знал. Всё, что было до этого, словно подёрнулось непроницаемой дымкой.

Домчавшись на своих двоих до указанного места, он обнаружил у массивных металлических ворот санатория «Сочи», что принадлежал Министерству обороны, патрульный милицейский «газик» с работающими мигалками. Кроме этого – микроавтобус «газель», оборудованный в подвижной пункт судебно-медицинской экспертизы, серую «волгу» десятой модели с жёлтыми отражателями и два чёрных джипа «нисан», что имели отношение к ФСБ. Возле них стояла группа людей в милицейской форме и гражданском. Наверху, по клумбам, светя фонариками, ходили какие-то люди. По металлической лестнице спускались капитан милиции и штатский с фотоаппаратом и кожаным футляром на груди.

– У меня всё, товарищи и господа, – хмыкнул штатский, подойдя вплотную к группе. – Труп, собственно говоря, опознан. Общую съёмку я сделал, все положения и детали зафиксировал. Пусть там покопаются спецы из конторы и уголовки, может чего найдут. Хотя всё раскисло.

– Да, влага идёт от моря. Нешуточное дело, – уныло отметил высокий парень с кожаной папкой.

– Ну, мы ещё поглядим, что у кого раскисло, – сумрачно заметил другой штатский, в котором Миша опознал одного из сотрудников ФСБ, что делал заявление о поимке турецкого шпиона по телевизору. – Мы перед убойным отделом в грязь лицом не падали. И падать не будем.

– Ну, это как сказать, – усмехнулся фотограф, переглядываясь со своими. – Вас никто и не просит, коллега.

Подойдя к опергруппе (отстранил с помощью журналистской «корочки» сержанта-пэпээсника с АКМ на груди), он попросил ввести в курс да дело.

– Вообще-то мы не допускаем прессу на начальной стадии расследования… – начал говорить один из штатских, что курил одну за другой «Вирджинию», что в народе звались зубочистками. – Звоните в пресс-центр ФСБ, обращайтесь

к полковнику Ольденбургу. Он знает о том, что вы здесь?

– Это он мне только что сбросил сообщение на сотовый, – не моргнув глазом ответил Михаил. – Если не верите – позвоните. Он кстати с минуты на минуту обещает быть. Велел привет передать…

Должностные лица нерешительно помялись. (Из тени арки прибрежного ресторана выступил парень в коричневой куртке с надвинутым капюшоном. Он опустил его, пощмыгав красным от ветра носом. Миша узнал в нём своего школьного друга, старшего лейтенанта ФСБ.) После чего докуривший тонкую сигарету оперативник бросил её тлеющий огонёк в изящную металлическую урну. Поманив Мишу рукой, он поднялся с ним по железной лестнице. Там, освещая сломанные, мокрые кусты тропических растений ходили люди в штатском, слепя друг-друга фонариками. Один из них стоял с направленным лучом света. Искристый контур охватывал лежащего на заросшей клумбе человека, что был накрыт чёрным целлофаном. Ветер с моря то и дело мял и срывал его. Когда это произошло в очередной раз, Миша с замирающим сердцем узнал в распростёртом на мокрой траве человеческом теле в белом демисезонном плаще того человека, в котором доложил через своё сообщение в секретариат Центра. Это был Афанасий Петрович, майор ФСБ, он же – внедрённый сотрудник Центра, он же «внедрённик», что согласс-

но компьютерному и бумажному досье Центра, носил псевдоним «Воронов»…

***

…Рассказывай, сыне, – сухо предложил ему Александр Андреевич, предлагая сесть на ближайший к нему стул. – Мне важна в данный момент любая деталь. Любая особенность, что бросилась тебе в глаза и затаилась у тебя в подкорке. Тем более что ты по всей вероятности последний, кто видел Воронова живым на этом свете. Повторяю, твоя информация бесценна. Если конечно подобное определение уместно при данных трагических обстоятельствах. Поэтому будь добр, собери все свои силы. Напряги свою память. Вспомни всё, что осталось в тебе с того самого момента, когда ты видел Воронова в последний раз.

Миша положил на полированный стол руки и, сузив зрачки, несколько минут наблюдал перед собой неясные всполохи света, что помогали вернуть хронику событий этого дня. Кроме них в просторном кабинете не было ни души, если не считать тех существ из потустороннего мира, что оказывали содействие в проводимом расследовании. Данной информацией должны были заинтересоваться «собственники», то есть сотрудники отдела собственной безопасности. Но видимо всё обстояло настолько серьёзно, что Александр Ан-

дреевич решил взять дело под личный контроль и довести его до конца. Да, шутка ли, если вдуматься: при загадочных обстоятельствах умерщвлен внедрённый сотрудник Центра. Внедрённый ни куда-нибудь, но в ФСБ, что придаёт данному трагическому происшествию наиболее зловещий оттенок. Вызывает у коллег погибшего (в обоих конторах) жгучее желание отыскать виновного и воздать ему по заслугам. Или ей…

– Пока ещё рано делать окончательные выводы, Александр Андреевич, – начал свой устный отчёт Михаил, испытывая желание выпить крепкий, горячий кофе и встать затем под душ. Тугие, горячие, а затем холодные струи, которые, если включать попеременно, здорово очищают не только физическое, но и тонкое (энергетическое) тела. – Так вот, опергруппа ФСБ и УВД, проводившая соответствующие мероприятия на месте обнаружения тела, никаких видимых улик не обнаружила. Более того, у них сложилось впечатление, что Воронов был… да, не удивляйтесь, умерщвлен в другом месте. Обнаруженные вблизи тела следы, как-то сломанные ветки и разрыхленная почва, свидельствуют о том, что тело тащили волоком. Живой Воронов, пусть и безоружный, вряд ли бы позволил злоумышленнику себя, так сказать, волочь. Причём безнаказанно. Так вот, о чём это я… По мнению начальника опергруппы, отпечатки на глине, к тому же в пяти шагах, ну… покойного… могли быть и давними и све-

жими. Влага и прошедший дождик сделали своё дело. К тому же этот ветер с моря. Простите, немного попадаю не туда, но это – обратная волна. (Александр Андреевич в который раз понимающе кивнул.) Вряд ли на сломанных кустах остались микрочастицы от одежды, табака и прочих, уличающих злоумышленника характерных примет…

– Тогда не исключено, что Воронов, будучи ещё живым и вменяемым, пробовал сопротивляться и даже подняться, – с шумным придыханием выдавил из себя Александр Андреевич, закрыв на мгновение глаза. – Это тоже немаловажно, Миша. Из этого следует, что его умертвили не сразу. Либо оно не рассчитало свои силы, оно их просто переоценило, что тоже не стоит сбрасывать со счетов. Нам необходимо знать психологию этого страшного существа, природу его нечеловеческих мотивов, чтобы бороться с ним поистине человеческими способами. Человеческими и Божественными. Так, ладно. Всё что касается эмоций и святого негодования, пока отставим в сторонку. Расскажи-ка мне лучше, что было обнаружено на теле покойного. Какие-нибудь видимые следы…

– Что касается тела, – немного прейдя в себя, заторопился Миша, – то это очень существенный момент. Дело в том, что Воронов пришёл на встречу, имея чёрную кожаную барсетку. При нём её не оказалось. Поиски вокруг те-

ла результатов также не дали. Стало быть, барсетка была обронена либо во время борьбы в ином месте, либо злоумышленники взяли её с собой. Это, возможно, проясняет мотивы случившегося. Правда при Воронове было обнаружено его служебное удостоверение, около тысячи рублей денег мелкими и крупными купюрами, а также относительно чистый блокнот с номерами телефонов, которые я, к сожалению, не упел переписать. Удалось запомнить с точностью до мелочей один из них: 225-00-39. Впрочем, после данного номера стояло слово «позвонить» с тремя восклицательными знаками на конце. Второй я даже ни стану вам наговаривать. Не уверен, что запомнил всё правильно.

– Это была единственная запись в блокноте? – живо спросил Александр Андреевич, что-то чиркнув в своей записной книжице. – Ты видел, как они пролистывали все его страницы?

– В том-то и дело, что нет, – потупился Михаил. – Опер, который этим занимался, пролистал его второпях, задержавшись лишь на странице с указанными номерами. Он сделал это так быстро, что я не успел как следует включить «третий глаз». А большинство листов мне кажутся пустыми даже сейчас, – он сосредоточенно почесал свой лоб.

– Ясно, – нахмурился шеф. – Мне тоже они кажутся пу-

стыми. Даже сейчас… Что ж, моё, старика, упущение. Отвечу по всей форме, если Господь сподобится. Теперь о самом главном: скажи, имеются ли на теле Воронова следы насильственной смерти?

– Явных следов не наблюдается, – Михаил вспомнил, как в блеске карманных фонариков он разглядывал лежащее на сырой земле с примятой травой тело Афанасия Петровича, по лицу которого стекали капли прошедшего дождя. Это полосонуло тогда по живому. – Имеются весьма странные крохотные пятнышки. Я бы сказал точки. Они расположены на висках у покойного. Воронов на днях подстригся накоротко, а виски выскоблил бритвой. На эти отметены при осмотре тела, по-моему, не обратили внимание, даже не занесли их в протокол. Однако по моему собственному наблюдению и по реакции оперативников, которую они сами не осознали, я понял что это и есть причина смерти. Отхода души от тела. Это не синюшные образования и не ожоговые опухали. Даже на крохотные воспалительные очаги это не похоже. Как будто кровь на висках сама собой подошла вплотную к кожному покрову. Где и сгустилась по какой-то своей причине. Так я просканировал данную ситуацию, шеф. Хорошо или плохо, судить вам.

– Интересно ты её просканировал, – стиснув зубы, вдумчиво произнёс тот. – Весьма и весьма… Думаю, что так оно

и есть. Кровь в данном случае играет доминирующее значение… развязка всех развязок… главная и взаимопроникающая составляющая… – он будто разговаривал сам с собой или с кем-то из своих невидимых контактёров-покровителей. – Так вот, Миша, ответь мне, пожалуйста, на один из последних моих вопросов. Тебе не показалось странным поведение Воронова накануне происшедшего, во время вашей встречи?

– Был один момент, который насторожил меня, – спохватился парень. Он сделал короткий мах рукой, будто отгонял нечисть. – Воронов сказал мне… просто поделался со мной накипевшим. Не худо бы, дескать, создать новый ГУЛАГ или святую инквизицию. Мол, так много развелось нынче деструктов, что житья от них нет. Вообщем, что-то такое, о чём я вам сейчас говорю. И это мне сейчас кажется подозрительным.

– Да, ты прав, – с печальной улыбкой констатировал шеф его умозаключение. – Во всяком случае, многое из того, что ты сообщил мне, заслуживает самого пристально внимания. На первый план выходят сразу же несколько версий. Скажем, факт исчезновения барсетки порождает допущение о том, что злодеев или злодея интересовали документы. Хотя возможно Воронов имел при себе ещё кое-что. Что именно – это предстоит выяснить. Ясно одно: причина его смерти со-

крыта отчасти в содержимом этой кожаной сумочки. Убийство, правда, могло быть не преднамеренным и могло произойти в результате внезапного конфликта. Тогда это совсем уж интересно – Воронов знал злоумышленника или кого-то из них. Кстати, отчего-то я допускаю, что их было много. Отчего-то, почему-то… Ох, не спроста всё это, – он судорожно почесал залысый лоб и, что-то молитвенно прошептав, тут же успокоился. – Да, вот ещё что. Полчаса назад мне позвонил наш сотрудник из краевого управления ФСБ. Так вот, никаких запланированных мероприятий, как-то встреч или оперативного прикрытия, у Воронова за полтора часа до случившегося запланировано не было. Это довольно точный промежуток времени между вашим контактом и обнаружением его тела. Необходимо выяснить, с кем он встретился. Опросить для этого всю его агентуру. Однако, самое главное… Михаил, не удивляйся, но твой рассказ позволил многое прояснить. Признаться честно, но я этому не вполне рад. По той же причине, что и ты: то, что роняет хоть немного тьмы на нашего боевого товарища, заслуживает недоверия и даже презрения. Но факты – упрямая вещь. Их надо защищать либо опровергать с помощью других фактов. Как ты считаешь, – немного помолчав, продолжил он, – Воронов произвёл на тебя впечатление человека… ну, скажем, адекватного?

– Нет, – категорично кивнул Михаил, барабаня подушеч-

ками пальцев по полировке стола. – Воронов не произвёл на меня такого впечатления. Теперь я вижу это совершенно точно. Поначалу мне показалось, что он изрядно устал. Что этот «чёрный» насторожил и выбил его из энергетической колеи. Знаете, бывает… Я только сейчас задумался над тем, что такое состояние бывает у тех, кого обложили со всех сторон. Ну, если не со всех, то со многих. Сейчас я вижу – Воронов давно чувствовал это давление. Однако мастерски скрывал его от нас.

– Хорошо-хорошо. Только пальцами больше не барабань, сыне. А то в ушах звенит. Это, знаешь ли… – замахал обеими руками шеф.

В ту же минуту один из телефонов на столе пронзительно запел. Александр Андреевич, будто гипнотизер на сеансе, медленно снял трубку. Миша тут же почувствовал, как в помещении тот час же возрос уровень напряжения. Стало тяжело дышать и мыслить. Усилился дискомфорт, который предстояло унять своими собственными усилиями.

– Да, хорошо. Завтра же я представлю на имя директора подробный доклад о происшедшем и принятых мерах. Да, меры уже приняты. Нет, пока никаких ощутимых… – разговаривал по телефону с кем-то из высшего руководства шеф, то и дело, проваливаясь в тёмную, вязкую среду. – Де-

ло в том, что есть множество «против» с нашими «за» при их меньшем объёме. И ограниченных функциях. Мы пока что не в состоянии обеспечить полный обзор картины происшедшего. Сотрудник Воронов характеризовался на протяжении всего срока сугубо с положительной стороны. Причём, в обоих местах. Честно говоря, Анатолий Леонтьевич, даже при самом туманном стечении обстоятельств, мне бы не хотелось ронять тень на заслуженного, прекрасного человека. Да, понимаю вас. Будет непременно…

Шеф опустил трубку на рычаг. Некоторое время сидел без движения. Миша, насколько это было возможно, помогал начальству, выравнивать состояние в кабинете. И самого кабинета, честно говоря, тоже.

– Кстати, тебе не показалось, что происшедшее касается и тебя, и его… покойного, в равной степени? – взор Александра Андреевича неожиданно вперился в переносицу. – Ага, сомневаешься, но не отвергаешь. Я почти уверен в этом, молодой человек. То, что диверсионник вышел на ваш контакт, а затем – уверен в этом! – расправился с Вороновым… Всё это более чем странно и заслуживает самого нелицеприятного анализа. К тому же вы оба, надо признать, попались на удочку. Он вам подкинул ложный позыв, на который вы и клюнули. Ударились в детективно-разыскную деятельность. Вы же прекрасно знаете, что любому из простых

смертных и обычных сотрудников запрещено действовать на пресечение диверсионников! Знаете, но нарушаете, как дети малые. Возбуждаете в себе проклятый адреналин, надо полагать? Неймется, так сказать? Ну, ладно… Ведь так просто сообщить «собственникам». Указать точное время и место обнаружения диверсионника. Нет, они сбрасывают эту информацию на мой секретариат. Пускаются на розыски сами…

Тяжело отдышавшись, Александр Андреевич вытер крупные капли пота. Они покрыли мясистое лицо и залысый череп. Посмотрев на Мишу, что заметно съёжился, он с лёгким, почти отеческим укором спросил:

– Так хотелось поймать диверсионника, молодой человек, что даже чувство опасности было забыто? А все остальные чувства оказались подчинены этому высокому безудержному стремлению? Ведь так, Миша? Эх вы горе моё горемычное. Когда в 1938 году я работал в Центре, он назывался иначе – Главное управление политической пропаганды. Был подчинён Особому сектору ЦК ВКП (б). Лично Сталину. Меня туда призвали из армии. Служил дивизионным комиссаром – носил красную звезду на рукаве и две шпалы в петлицах. Мы занимались теми, кого сейчас называют безвинными жертвами сталинских репрессий. Как-то согласно плановой разработке я подживал в подъезде дома ЦК одну та-

кую будущую жертву. Во время Гражданской этот тип залил себя кровью тысячами расстрелянных, заживо сожжённых и отравленных ипритом крестьян. Те, правда, тоже не стеснялись в средствах, но всё ж… Мне надо было только поговорить с ним. Попытаться убедить… Короче говоря, провести плановую психологическую обработку. Если не удастся, то окончательно скинуть на наркомат внутренних дел и органы госбезопасности. Да, вот так! Так в наше время церемонились с этими подлыми, кровожадными деструктами! Пробовали до упора все мирные приёмы, чтобы склонить их на нашу сторону. Но… Дело в том, что этот деструкт с золотыми маршальскими звёздами в петлицах имел своего диверсионника, коим был его шофёр. По некоторым данным, они крутили любовную связь. Типичное развлечение и взаимная подпитка для этих чудищ! То же самое было у командира штурмовиков Эрнста Рёма, который сам был того и имел такого же шофёра. Их так и застали эсэсовцы в обнимку – в одной кровати. Так вот, после того как меня отшили психо-энергетически, прямо заявив, что ад ему ничуть не страшен, а рай противен, то… как сейчас помню, шёл я домой по осенней московской улице. Собираясь, так сказать, с силами для отчёта по начальству. Кепка надвинута на глаза, воротник поднят до плеч. На операции, как и сейчас, мы ходили в гражданском, чтобы не светиться. Сам понимаешь… Вообщем, лопух-лопухом… А из темноты на меня несётся легковая машина с потушенными фарами. Тихо так несётся.

Я едва отскочить и прижаться к стене. Однако бампером меня всё ж задело по касательной. Помяло два ребра. Если бы я не ускользнул в подъезд, то этот зверь раздавил бы меня как лягушку на асфальте. Да, он смог бы. Это для них как развлечение – утоление энергетического голода. Отработка избыточной дозы адреналина. Да, именно – ад-реналина! Везде этот ад, будь он неладен… это проклятое название…

Минуту они рассматривали друг-друга. Будто открыли себя заново и пока что не привыкли к взаимному, обновлённому обличию. Затем, Александр Андреевич, гулко откашлявшись, отчеканил:

– Михаил! Вот тебе мой приказ, который ты обязан выполнить от «альфа» до «омега». И без всякого обсуждения. Поезжай сию же минуту домой на моей машине. Отдохни, как следует. Завтра на свежую голову, напиши подробный отчёт о контакте с Вороновым и этим… «чёрным», так сказать. Укажи малейшие детали твоих наблюдений, ощущения и видения, если таковые, конечно, имели место. Да, ещё! Сегодня с вечера и завтра с утра отмени все свои встречи. Весь завтрашний день ты сидишь дома «на карантине». Фиксируешь своё внимание на происходящем. Изучаешь любые изменения в структуре своей личности, сынок. Понятно тебе? То-то… Дело нешуточное мы копнули, надо сказать. А при неосторожном обращении с огнём случаются, знаешь ли…

За твоим домом будет установлено наблюдение. Так что в течение завтрашнего дня – и носа за порог не казал! В этом подлунном мире каждая жизнь – на вес золота. А уж наши с тобой… Легче всего сгинуть, бросившись на дзот или под танк как в ту войну, подставить шею под топор или виски, скажем… не знаю… Труднее, гораздо труднее в загаженной среде сохранить себя и саму среду, чтобы она очистила себя от возможных человеконенавистников. Помочь этим шлакам очиститься самим и вернуться к нормальной жизни. Всё, мальчик! Ступай и жди. Возможно, завтра вечером я сам тебе позвоню.

Миша сдержанно кивнул и вышел из кабинета. За рабочим столом в приёмной сидела Клавочка, что уже наверняка знала о происшедшем. Миша обратил внимание, с какой печальной надеждой она смотрела на него. Конус света от включённого, сияющего зелёными огоньками компьютера, красиво золотил её взбитые каштановые волосы. Он не смог к своему вящему изумлению, не смог её игнорировать. Ответил простой и искренней улыбкой. Затем, сорвавшись с места и плавно ступая, приблизился к ней. Взял милую руку и приложился к ней.

– Миша, извини, конечно… Я так тронута, – заторопилась она с увлажнёнными глазами. – Я так переживала, так молилась за тебя. Пускала золотые лучи. Помогло, наверное, раз

ты здесь.

– Наверное, помогло, – Миша, сам не зная зачем, встал на одно колено, ещё раз целуя руку девушки. Та заметно дрожала. – Раз я здесь, цел и не вредим. Чувствовал тебя, Клава. Огромное-преогромное тебе…

Руку она не думала убирать, что было совсем уж приятно. Он хотел сказать что-то ещё, солнечное и любезное, но открывшаяся наружная дверь не позволила это сделать. Вошёл охранник из «собственников», коим был Сергей.

– Вас ожидает машина. Немедленно спускайтесь! – жестом предложил он.

На плече, поверх пиджачной пары с водолазкой и под кожаной курткой в специально чехле висел складной автомат. Значит, всё было действительно серьёзно, как сказал Александр Андреевич и допускал он сам. На личную жизнь времени совсем не оставалось. Нисколечко…

Они пронеслись на «святогоре» по тёмным, обсаженным деревьями, улицам с потухающими окнами. Когда машина, затушив фары, завернула к дому, один из трёх плечистых парней, что помимо водителя сопровождали Мишино «тело», вышел наружу и поспешил в направлении подъезда.

Там маячила какая-то тёмная фигура, которая тут же стала стремительно удаляться. Странно… Тут же из машины вышел второй. Осмотревшись, он притулился под бетонным козырьком со светящимся справа окном. Первый «собственник», щёлкнув кнопками кодового замка, открыл массивную сейфную дверь и вошёл в подъезд. Включил там свет, что не горел на лестничных клетках всех этажей. Странно… Вскоре, после недолгой возни (второй было подался вовнутрь, но тут же отступил), он вывел под руку мягко сопротивляющегося, до странности знакомого человека в белой куртке на «молнии», с откинутым капюшоном. (Хорошо, не в белых тапочках, с сомнением отметил про себя Миша.) Его лицо прикрывали роговые очки, а голова была украшена ярко-шафранной лысиной. Он причитал и упирался, но попыток что-либо сделать не предпринимал. Платон Ильич? Но что он делал тут в столь поздний час? Эге-ге…

***

Он проснулся в 6—00 и некоторое время лежал с полузакрытыми глазами. Возвращался в своё тело, мысленно и чувственно очищая его от возможных «подселений» тьмы. Внимание было расслабленным, но работало безотказно. Он видел себя со стороны, сверху. На место, в тело, водворялась его тонкая нематериальная субстанция под названием душа или тонкое тело. Да, кажется, ничего к ней не прилипло по-

стороннего и враждебного на этот раз. Ничего ему не препятствовало вернуться в этот мир, чтобы жить и трудиться во имя людей. Во имя других форм жизни. Во имя добра и света. Это его искренне радовало, но не возвышало над той жизненной средой. В ней он волею Бога и человеческих судеб оказался заброшен. Теперь он наверняка знал свой жизненный путь. Он шёл по нему, ступая твёрдо по уступам судьбы, которыми покрыта непростая дорога каждого из живущих на этом свете.

Он составил отчёт о последнем контакте с Вороновым. Днём к нему заехал (по предварительному звонку) начальник отдела собственной безопасности. Прочитав написанное, он задал ему ряд обстоятельных вопросов. Полученные ответы изрядно заинтересовали его. К тому же беседа писалась на плёнку диктофона. По мнению этого высокого профессионала, Воронов, он же Афанасий Петрович Коломейцев, был в контактной среде со смертью. То есть событийная среда этого страшного явления захватила и повела его к роковой развязке с момента встречи с Михаилом. Михаилу таким образом крупно повезло. Как не везёт никому из смертных. Разыскивая информационный след «чёрного», он мог угодить в ту же событийную петлю, жертвой которой оказался внедрённый в ФСБ сотрудник.

Иными словами, в подсознание Воронова-Коломейцева,

минуя защитный барьер, была внедрена установочная модель смерти. В случае если он откажется что-либо выполнять. Сойдёт с намеченной моделью курса. Это не вызывало никаких сомнений. Подтверждением этому было странное поведение Воронова на встрече. Он явно подыгрывал деструктам. В частности тому, что замаячил на аллее. Возможно, делал он это несознательно либо вполне сознательно, как бы дико это не прозвучало для Мишиных и иных-прочих ушей.

– Во всяком случае, не надо торопиться с крайними выводами, – отметил шеф «собственников». – Мы просто отрабатываем возможную версию, которую не имеем права отбрасывать. Поддаваясь высоким чувствам, что как благие намерения нередко мостят дорогу в ад. Наш человек мог оступиться и, в надежде, что справиться сам, утаить от нас этот необдуманный поступок. Ведь я отлично понимаю ваши чувства, Михаил Николаевич. Подозревать товарища нехорошо. Ещё хуже обвинять его. Однако не стоит забывать о таком необходимом качестве как бдительность… и ещё раз бдительность. Которая спасает от необдуманных поступков, помогает одолеть их пагубное влияние. Вы согласны со мной, молодой человек?

Только вот не надо высокой патетики, едва не пошутил Михаил.

– Конечно, согласен, – ответил он, покрывшись пятнами от подступившего напряжения. – Однако я не чувствую достаточных оснований, чтобы подозревать этого человека в предательстве. Пускай даже не осознанном, но всё-таки…

Сказал и покривил душой. На душе в тот же момент стало непросто.

– Извините, но речь пока не идёт о возможном предательстве, – мягко поправил его Павел Петрович, отключая диктофон. Он ещё раз внимательно просмотрел отчёт, составленный на трёх страницах – Мы полагаем, что Воронов был вовлечён в авантюру деструктов помимо своей сознательной воли. Это, однако ж, не снижает уровня опасности. Если эти данные подтвердятся, нашему отделу придётся полностью перестраивать систему безопасности сотрудников Центра. Да что там сотрудников! Всего общества в целом. А это, знаете ли…

Когда гость, любезно попрощавшись с мамой (он попил с ней чай на кухне), покинул квартиру, Миша заварил себе крепкий кофе. Включил телевизор. По всем каналам каждые полчаса демонстрировались кадры военной хроники в Афганистане и Ираке. Талибы, потрясая автоматами «калашников», сработанных по китайской лицензии, выкрикивали ан-

тиамериканские лозунги. Время от времени операторы записывали на видеокамеры захваченных в плен американских спецназовцев, изукрашенных кровоподтёками и ссадинами, их отрезанные руки, головы, ноги… Таким был планетарный бионегатив в действии. На это было страшно смотреть. Ещё более страшно это было предлагать вниманию миллионов телезрителей. В этом также усматривалось проявление деструктов. Михаил помнил и другую «телепередачу»: объятые дымом и огнём кварталы Тель-Авива и Белграда, крылатые тени американских штурмовиков в синем югославском небе, цинично запечатлённый на плёнку полёт и взрыв высокоточной ракеты… Или толпы албанских экстремистов, разрушающих православные церкви на сербской земле. Это тоже было страшно смотреть. В то время ни ООН, ни Евросоюз не выступили против. Ясно, что с обеих сторон были замешаны деструкты-бионегативы, пребывающие у власти. Причём, каждое из этих страшных существ рано или поздно тормозит этот безумный процесс, чтобы выжить. Иначе говоря, подобно блудному сыну – вернуться к своему отцу… Припасть к коленям Всевышнего Бога, чтобы молить его о прощении. Михаилу было не понятно, к чему было проявлять столько упорства ведущего прямёхонько в ад, из которого действительно нет дороги назад, если не покаешься и не искупишь. «…Да что он, деструкты эти окаянные, и впрямь себе враги? – в который раз задавался он этим вопросом. – Неужто и впрямь ничего не видят в истинном све-

те? Или считают в своём искривлённом понимании, что всё обстоит шиворот-навыворот. Зло для них является добром, а добро соответственно злом. Примерно также обстоит в сумасшедшем доме: клиентура считает себя нормальнее всех нормальных, даже избранными. Помочь таким пациентам взглянуть на себя со стороны крайне трудно. Они не принимают другую сторону, обособившись на своей. В этом – отличие больного человека от здорового, злого от доброго. Поэтому долговременная изоляция от общества наедине со своей больной душой – лучший источник самоочищения. Как в масштабах того же дома, так и всей планеты…»

«…А ты взгляни на происходящее с тобой и со всеми с иной стороны, – внезапно раздался, словно неоткуда чужой голос, выросший вместе с тем из глубин подсознания. – Вселенная есть бесконечное существо. Разум этой непознанной субстанции тоже бесконечен. Следовательно, все, что явилось нам в лоне Бесконечности, является отражением её многогранной воли. Всякая борьба с каким-нибудь из её глубинных проявлений преступна. Она противоречит единому плану Жизни, который лежит в основе всего и является началом всех начал. Борьба со злом, поэтому незаконна, потому что зло есть производное от добра. Бог создал зло, чтобы на просторах Вселенной не прекратилась жизнь. Жизнь зародилась в противостоянии. В основе всего лежит противоречие, о котором ты прекрасно знаешь. Плюс и минус, анод

и катод, холод и жар, рождение и смерть… Список длинен. Вряд ли стоит его продолжать. Вот истинное значение сотворения этого мира Господом Богом. Это противоречие вышло из недр его Великой Воли. Это ответ на все твои вопросы, разрешение всех твоих сомнений. Они ведь приносят тебе страдания, не так ли? Всё это пыль и тлен. Михаил! Я твой высший космический наставник, как никто другой забочусь о благе твоём собственном, а также дорогих твоему сердцу существ… скажем, твоей девушки…»

«…Следует ли понимать тебя так: нам что-то угрожает? – осторожно поинтересовался Миша, зондируя почву контакта. – Что-то или кто-то, якобы высший и якобы космический наставник? Якобы мой в том числе. Если ты не врёшь, то от кого исходит эта страшная угроза? Если ты и впрямь мой высший космический наставник от Бога, ты не можешь не знать этого. Ответь на мой вопрос. Или ты сам создал эту опасность, а теперь пытаешься уверить меня в том, что заботишься о моём сохранении? Так кто ты на самом деле? Проявление некой якобы космической силы, что, отторгнув себя от Всевышнего, досаждает себе и человечеству? Представься, если желаешь, чтобы я уверовал в твои благие намерения…»

Ответом была тишина. Поистине космическая. Это был явный признак того, что неведомое существо с тонкого пла-

на не пожелало продолжить свой контакт. Видно это был кто-то из тёмненьких, поразмыслил Миша. Ох, много желающих меня как следует обработать, используя затруднительное положение. Так надо будет занести в контактный файл, чтобы затем скачать на страничку «собственников» и, разумеется, обожаемого шефа. Обожаемого… Надо будет обратить внимание на этот момент. Отработать все его составляющие. С тем, чтобы эта энергия стала понятной для него и его товарищей. Со временем – для всего «прогрессивного человечества». Как гласит одна вечная и древняя мудрость, ничто не вечно под Луной. Однако все старые истины приходится познавать на своём вечном опыте. Для того чтобы «образ» и «подобие» слились воедино и человек уподобился Богу. Так, по мнению одного философа-богоискателя и скрытого деструкта Мережковского, человечество со временем преобразуется в богочеловечество…

Внезапно тишина, которой была переполнена трёхкомнатная квартира (Миша удачно сел на пульт и телек выключился), вздрогнула от дверного звонка. Михаил осторожно выдвинулся в коридор. Если принять слова Александра Андреевича за аксиому, то дом находится под наблюдением «собственников». Это многое значило для сложившейся обстановки. Однако проявить лишний раз осторожность никому ещё не помешало.

– Кто там? – он вплотную подошёл к сейфной наружной двери, открыв деревянную. – Кто это?

– Мне нужен Михаил, – раздался знакомый женский голосок. – Меня направили к вам, подсказали ваш адрес. Сказали, что вы можете мне помочь…

– Простите, кто вас направил? – удивился Миша вполне искренне, не меняя даже тон. Он хотел приникнуть к дверному глазку, но поэтому так и не сделал этого. – Пожалуйста, назовите мне этого человека и представьтесь сами. Может быть, я попробую открыть вам дверь. Я сказал, может быть…

– Извините, я, наверное, ошиблась. Не туда попала. Ещё раз извините…

С лестничной площадки донеслись торопливые шаги. По всей видимости, кто-то летел вниз, не разбирая под собой ступенек. Михаил быстро подскочил к окну на кухне. Осторожно выглянул сквозь занавеску. Из подъезда вместо миловидного существа со смазливой мордашкой, лязгнув металлической дверью, вышли два помятых субъекта. Один из них глухо выматериался в направлении окна второго этажа, что было за Валентиной, домкомом. Недовольная хлопаньем тяжёлой двери, (било по ушам!), она выкрикнула из раскрытого окна: «Вы так разобьете её раньше времени! И нече-

го здесь шастать. Не то милицию позову. И код от кого-то узнали. Ворюги! Женщину с пятого этажа на прошлой неделе прямо на лестничной клетке обокрали – сумочку из рук вырвали. Не вы, случайно? Твари… Доча! Ты их приметы запомнила? Немедленно набирай 02».

Возможно, сработало одно из мероприятий контроля со стороны «собственников». Тогда опасаться было нечего. Главное – вовремя открыть или закрыть дверь. Если вообще её нужно… Они просто выявляли степень бдительности своего сотрудника, только и всего. «Кого Господь любит, того и наказывает». Лучше и полнее не скажешь. Миша всё также обозревал сквозь занавеску окрестности: асфальтированную детскую площадку с ярко-жёлтым, новеньким металлическим ограждением. Там высились качели и изящные лавочки с полукруглыми пластиковыми спинками. Не так давно на одну из секций упало подгнившее, но ещё крепкое дерево с зеленеющими листочками. Слава Богу, ни детей, ни «вечных» старушек под сенью этой липы не наблюдалось. Из помятой секции убрали сетку. Привезли новую – вставили туда же. Миша это неожиданное событие отразил в отчёте для «собственников», усмотрев, таким образом, проявление деструктов. Так, это тоже не ново. С холма, за которым высились серыми квадратами другие пятиэтажки, спустился некто в ватнике, одетом на тельняшку, и синих спортивных штанах, обутый в шлёпанцы на босу ногу. Оскалив

подобие улыбки, он принялся махать на все четыре стороны, вытянув обе руки. Мимо него прошёл рослый мужчина с плечами культуриста, в чёрном спортивном костюме «адидас», и чёрных же, в белую светящуюся полоску кроссовках той же фирмы, надо полагать. На разматывающемся во всю длину поводке-рулетке он вёл дога. Он заметно провёл рукой по надбровью.

Хотя, стоит ли разбрасывать своё внимание? Пускай каждый занимается своим делом. Кто-то изучает деструктов, кто-то их «пасёт», а кто-то их стережёт. И от них стережёт тоже. Разделение труда, как говорится. Тут же его оглушил телефонный звонок. Через повторяющийся мелодичный сигнал сработал женский голос определяющего устройства: «Номер не определён». А на табло высветились по две рубиновые чёрточки, меж которыми – 666. Не больше, ни меньше. Прямо как в Апокалипсисе: «И видел я как бы стеклянное море, смешанное с огнём: и победившие зверя и образ его, и начертание его и число имени его, стоят на этом стеклянном море, держа гусли Божии. (…) Зверь, которого ты видел, был, и нет его, и выйдет из бездны и пойдёт в погибель; и удивятся те из живущих на земле, имена которых не вписаны в книгу жизни от начала мира, видя, что зверь был, и нет его, и явится». Он снял трубку. Осторожно, будто была она из горного хрусталя, поднёс её к уху. Из мембраны доносилось приглушённое дыхание. Затем чей-то при-

глушённый голос что-то торопливо зашептал. Однако, после настойчивого «слушаю» на том конце быстро отключились. Чудеса, да и только. Прочитав молитву «Отче наш» и перекрестив как себя, так и всю квартиру (для этого обошёл углы всех комнат и смутил дремавшего отца), Миша вернулся к себе. На чёрный стол с компьютером и процессором он водрузил церковную свечку в тяжёлом медном подсвечнике, что достался ему от покойной бабушки. Зажёг её. Затем некоторое время постоял, совершая пассы руками вдоль тела. От него будто отлипала тонкая осклизлая масса. Наподобие грязи или пластилина. Словно кто-то умело направлял этот пси-энергетический шлак на него, облепляя его тонкое тело. Ну, уж нет, с лёгким сарказмом подумал он. Накося, как говорится. Но не выкуси…

Только сейчас он осознал: больше всего на свете его дух не терпел неопределённости. Жажда скорейшей развязки гнала его по кочкам. Но он не чувствовал опасности. Интуиция, помноженная на присутствие святого Духа, подсказывала: ситуация счастливо разрешится в самое ближайшее время.

Для этого он перекрестился на икону Христа-Спасителя, также доставшуюся в наследство от покойной бабушки. Всю оккупацию она, эта древняя икона, простояла в доме её сестры. Августовским днём, когда кубанский город запо-

лонили германские войска, она чудесным образом повлияла на судьбу Раи и её матушки. Улицу вдоль маслозавода, где стояли саманные дома, заполнили полугусеничные машины, везущие гитлеровских солдат. По-простому, в чёрных трусах и даже без маек с чёрным орлом, они рубили сады, полоскались водой из колодцев, не стесняясь ни женщин, ни стариков, ни детей. Всех, правда, угощали дорогим швейцарским шоколадом в фольге: «Дас ист гуд Дойтче Шоколаден!» Обращая внимание на кубанцев, грызущих семечки, сплёвывающих кожуру, они смеялись: «Это есть сталинский шоколад!» Захватчики не были жестоки, хотя было видно, что многие из них презирали быт советских людей. На шикарных лакированных машинах, инкрустированных никелем и хромом, ехали офицеры в высоких фуражках. А ночью в дом завалилась группа пьяных солдат. «Где есть красивый русски девотчка?» – вопрошали они, осматривая комнаты. Рая мигом забралась под железную кровать с металлическими шариками и кружевным тюлевым покрывалом. Как они ни старались, но вытащить её не могли. Кровать они также сдвинуть не могли – ножки загодя были прикручены к полу. За это девушку стали бить коваными сапогами. Удары приходились по голове, по плечам, по спине. Маму с силой толкнули в самом начале. Едва не потеряв сознание от удара, она, перво-наперво, схватив икону, стала причитать. Но её не слушали. Тогда она выскочила на улицу, где упала на колени с воздетым к небу окладом. Прохо-

дящий германский офицер был потрясён. Смутил его суровый лик Христа-Спасителя или нет, осталось тайной. Но он вынул пистолет, и стал стрелять вверх. До тех пор пока несостоявшиеся насильники не посыпались из окон. Затем, ни слова, ни говоря, пошёл своей дорогой.

Уже под вечер, когда воздух за окном подёрнулся сумеречным светом и робко зажглись первые огни на балконах тех пятиэтажек, что были через детскую площадку, на холме, покрытом высокими липами с облетевшими листьями, раздался ещё один упрямый звонок. Номер был снова не определён. «Убью… прости, Господи», – Миша мысленно представил силуэт говорящего. Направил на его ауру золотой луч. Только после этого, не испытывая ни малейших колебаний, снял трубку.

На этот раз там никто не дышал. И не бормотал. Напротив – раздался приятный, чуть хриплый, правда, голос шефа:

– Нуте-с, молодой человек! Как ваше ничего? Или всётаки чего-то? Рассказывай, сколь загубленных деструктов на твоей совести. Скорая медицинская не потребуется?

– Всё в порядке, Александр Андреевич, – улыбнулся в мембрану телефона Миша, представив для ясности, круглое и добродушное лицо. Таковым шеф был всегда, когда

пребывал в бодром состоянии духа. – Все обезвреженные мною деструкты тщательно складированы лично мною в ванной комнате. Кровь в прихожей я вытер, можете не сомневаться. Тряпка сожжена, пепел развеян по ветру. Все выпотрошенные внутренности спущены в канализацию. Информация с «Водоканала» о пираньях не поступала.

Александр Андреевич оглушительно рассмеялся. Он заявил своему молодому сотруднику следующее. Через минут эдак пятнадцать-двадцать (точнее, через пол часа, «округлил» Миша) за ним прибудет серая «волга» десятой модели номер СО 235 В 23. Предварительно ему позвонят на сотовый. Представятся Сашей, что от Александра Андреевича. Только тогда (не раньше!) нужно будет спуститься. Сесть в машину, что будет ждать у подъезда, и поехать. Это наводило на мысли, что в деле с убиенным Вороновым-Коломейцевым, а также с внедрившимся в контакт деструктом-диверсионником наметился явный прогресс. Иными словами, начались светлые подвижки. Теперь требуется его помощь.

…В кабинете шефа кроме самого хозяина, излучающего помимо напряжения свет и любовь, находился маленький Павел Фёдорович. Перед ним на вытянутом столе с иконой Богоматери в центре, что обычно лежала по правую сторону (там же была установлена маленькая хрустальная пирамидка) покоилась старинная, на металлических зажимах

картонная папка с «хранить вечно». Начальник «собственников» тут же открыл её и предъявил на опознание ряд фотографий с запечатлёнными на них мужчинами. Все они как на подбор были брюнеты с вытянутыми, породистыми лицами и были чем-то неуловимо похожи друг на друга. Все да ни все. В «фасе», что уставился на него с глянцевой бумаги 6 на 4, в левом углу стола, Миша тот час же признал деструкта-диверсионника, который вторгнулся в контакт с Вороновым. Затем, судя по всему, умертвил его. Знакомые чёрные глаза смотрели особенно пронизывающе и зловеще, но на устах блуждала загадочная усмешка. (От этого, впрочем, лицо и его обладатель не становились добродушнее.) Да господь с тобой и со всеми вами, будто говорил этот тип. Кому я в состоянии причинить зло? Я же сама святость или невинность, если всмотреться повнимательней. А вы этого не хотите сделать, то есть всмотреться. Имеете в отношении моей скромной персоны явное предубеждение… ай-ай-ай, не хорошо-то как…

– Тот самый, – сказал Миша уверенно, положив фото оборотной стороной на стол. – Тот самый диверсионник, что «пас» меня и Воронова во время контакта. Нашли этого молодчика? Кто он?

– Тот самый диверсионник, что убил Воронова, – вздохнул Александр Андреевич, осветившись изнутри непонят-

ным сиянием. – Только благодаря твоей памяти на детали, Миша, нам удалось так скоро на него выйти. Затем оприходовать его до нашей конторы. В настоящий момент он – в «особом помещении». С ним работают…

– Этот субъект не отрицает содеянного, – кивнул Павел Фёдорович. – Вы нам очень помогли, Михаил Николаевич. Особенно помогли тем, что обратили внимание на номер в записной книжке Воронова с пометкой «позвонить». Этот номер оказался ключом к разгадке. А именно: почему с нашим сотрудником произошёл этот неприятный инцидент. Дело в том, что номер этого телефона оказался московским. Там где он зарегистрирован, проживает двоюродный брат покойного. В результате наших мероприятий выяснилось, что этот субъект в последнее время залез по самое некуда в эзотерические школы. Особенно его заинтересовал этот научно-учебный центр «Дельта, который является прикрытием для деятельности деструктов и планетарного бионегатива. Брат Воронова, будучи сам не осознанным деструктом, вошёл в их окружение. Стал активно их финансировать, спонсируя деньги своих вкладчиков. Тем более что он является соучредителем банковского дома «Аполон-Сервис», через который проходят инвестиции, в частности, по южному федеральному округу. Его соучредителем он, кстати, и является. Кстати, этот банк, если верить службе финансового мониторинга, чекистам и нашим наработ-

кам, организация ещё та. Я бы даже сказал эта. Но это уже другой вопрос. Так вот, по информации из Центра братья давно уже не поддерживали, по понятным причинам, плотных отношений. Так здравствуй-прощай. Не более того. Однако в последнее время двоюродный Гриша стал названивать на домашний Воронову. Неоднократно просил приехать в Москву. Целей он не разглашал. Звонил он и за день до того, как произошло убийство. Жена Воронова, которая слышала разговор на кухне, утверждает, что Афанасий Петрович несколько раз в категоричной форме выразил свой отказ. А именно: приехать в Москву, – выцветшие голубые глаза Павла Фёдоровича, окружённые сеточкой морщин, порывисто вспыхнули. – При этом она сумела разобрать следующее: «Они тебя в такую историю впутают, что ты не рад будешь! Помощи не жди. Я не могу тебя вытащить из этой среды без твоего согласия. Мой добрый совет – отстань…» От беседы с женой на эту тему Воронов уклонился. Также в категоричной форме. Сослался на то, что двоюродный братец по уши завяз в своих проблемах. В результате скрытого наблюдения за братом мы установили, что он контактирует с данным лицом, которое опознал Михаил Николаевич. Помимо всего прочего – сотрудником контрольно-аналитического отдела упомянутого банковского дома. А также активным сотрудником научно-учебного центра «Дельта». Одного из его подразделений «Дельта Х», что занимается помимо зомбирования и заказными убийствами. С тонкого пла-

на – на плотный. По ситуации… Сегодня нашими московскими коллегами в ходе одной несвершившейся акции данный субъект был задержан. Кстати, ни совсем понятно, как он за сутки обернулся туда-сюда. Билетов при нём не оказалось. По кассам «Аэрофлота» и железных дорог он не проходит. Мистика… Он доставлен в Сочи.

– Как же он или оно… короче, объясняет мотивы убийства? – Миша едва не соскочил со стула.

Александр Андреевич, видя такое нарушение субординаций, заметно осунулся. Павел Фёдорович достал из кожаной папки диск DWD и вставил в процессор, переведя компьютер из «спящего» в обычный режим. На экране после ряда неясных полос и вспышек, напоминающих звёзды, появилось знакомое, вытянутое лицо с агатовыми глазами и чёрной, как смоль, шевелюрой с лёгкой проседью. Судя по интерьеру, деструкт пребывал в помещении с низким бетонным потолком. С ярким освещением, что не было в глаза, как в известные годы. По-видимому, съёмка велась скрытой камерой. Одет «оприходованный» был в тёмно-бордовый свитер с белым узором. На левом указательном пальце имелся перстень с печаткой. Что на ней было – не удавалось разобрать, хотя камера то приближалась, то отъезжала. Говорил деструкт неторопливо, чуть глуховатым, но хорошо поставленным голосом. Время от времени, отклоняя голову и на-

блюдая искоса, он курил сигарету (видимо, из своих!). Держал дымящуюся сигарету двумя пальцами, он опирался рукой о стол, который находился перед ним.

Вопрос: Допрашиваемый! Вы находитесь в особом помещении. С вами проводится инфильтрационный допрос. Назовите свою фамилию, имя, отчество, кодовое имя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.